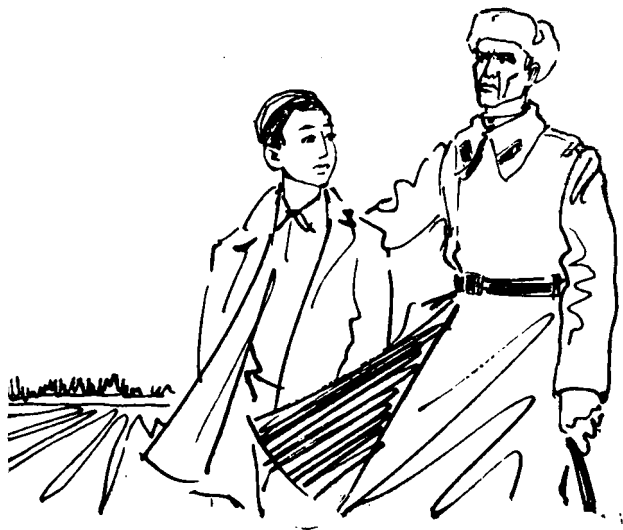

НАСЫР ФАЗЫЛОВ

В РОДНОМ КАРКАРАЛИ

Перевод с узбекского С. ВОЛГИНА.

Пролог

Один раз в год, хотя бы на несколько дней, я приезжаю в свой родной кишлак Каркарали. Непреодолимая сила тянет меня туда. Вдохнешь целебный аромат садов и полей, окунешься в прозрачную воду знакомой речушки, поглядишь в задумчивую даль степей и светлее станет на душе, почувствуешь себя моложе, сильнее.

Приходилось ли вам, стоя у тандыра, обжигая пальцы, разломить пышащую жаром хрустящую лепешку, обмакнуть кусочек ее в холодную воду и съесть?

Если не приходилось, то вы потеряли очень много.

Но больше всего тянет меня в Қарқарали живущий там народ. Где бы я ни находился, чем бы ни занимался, я никогда не забываю своих односельчан, даже иногда про себя советуюсь с ними...

Любо мне видеть юных, безусых пареньков, только начинающих басить, напоминающих мне юность, тревожные и тяжелые военные годы... Мне любви непосредственность и искренность милых и нежных девушек кишлака, робко улыбающихся в ответ на приветствие, смущающихся от самой скромной шутки...

«Если ты жаждешь осмысленной жизни, если не хочешь испытать горечь ошибок и заблуждений, сбившись с пути, то в неделю, в месяц, хотя бы раз в год оглянись назад и отчитайся перед своей совестью — был ли смысл в прожитых днях?» Не помню уж, где и когда прочитал я эти мудрые слова, но они запали мне в душу.

На этот раз, взяв отпуск пораньше, я приехал в Қарқарали с женой Машхурой и сыном Эркином. Им было интересно побывать в сельской местности, когда природа оживает, а земля пахнет еще и снегом, и зеленой травкой, выбивающейся на пригорках, пахнет набухшими почками на деревьях. А охота на птицу при весеннем разливе рек?! В ней есть особая, ни с чем не сравнимая прелесть. Сколько уток в наших местах! Заросшие камышом озера, бывает, усеяны ими точно листвою земля в осеннюю пору.

Как всегда, в первую очередь мы заехали к дяде Пулату. Можно было бы остановиться у моего закадычного друга Агзама, но, как говорит дядя Пулат: «Старших не уважишь, никто тебя не уважит». Правда, если посмотреть с другой стороны, то ведь Агзам не какой-нибудь дальний родич дяде Пулату, а родной сын. И живут они рядом.

Жена дяди Пулата, тетушка Манзура, встретила нас

радостно, обняла всех и сразу же поспешила, захопотала по дому. Тетушка уже старенькая, но держится еще крепко, если и прихварывает, то не жалуется. Отлежится — и опять захопотала. Свои поседевшие волосы она всегда заплетает аккуратно, платья носит чистые и глаженные, одним словом, аккуратистка. Тетушка быстро приготовила чай, для Эркина достала сушеного урюка и грецких орехов. Усадила нас за дастархан и начала потчевать.

Если встретились две женщины, давно не видевшиеся, то разговор может длиться бесконечно. Так случилось с тетусшкой и с моей женой. Поэтому, выпив пиалу горячего чая, я поспешил во двор, знакомый и родной, может быть, даже больше, чем родительский дом. Тетушка Манзура любит надо мной подшучивать. «Таков уж наш мулла, не усидит на месте, обязательно оглядит весь кишлак да еще заглянет за околицу».

Тут надо сказать, что в наших Туркестанских краях к молодым обращаются не по имени. Если молодой человек немало учился, то в знак уважения его называют «мулла йигит», что значит ученый, если же парень очень молод — «кенжатой» — что означает буквально «последыш». Девушек же называют «сулувкиз» — прелестная, или «шакаркиз» — сладенькая, или «бодомкиз» — миндальная.

Моя тетусшка Манзура, как все добродушные женщины, очень полная и, как я уже говорил, подвижная, почти всегда спешит. В доме и во дворе у нее чистота удивительная — ни соринки, ни пылинки.

Дядя мой учитель, стал им по призванию. Еще до института он перечитал огромное количество книг, большею частью художественных произведений, и поэтому стал преподавателем литературы. В противоположность жене он тощ, высок, медлителен. Только при-

щуренные глаза всегда задорные, с искринкой юмора. Он уже очень седой, проглядывает и лысина. Дети его любят, может быть, потому, что свой предмет он знает глубоко, в памяти хранит много отрывков из произведений и читает их мастерски. Должно быть, поэтому каждый мой приезд не обходится без разговоров об учебниках, и дядя не преминет мне сказать с упреком: «Ну, что ты за журналист, скажи? Куда ты глядишь? Как пишут учебники литературы? Сухо, бледно! Дети из них получают знания ограниченные, информационные. Неужто, например, Навои не отличается от Лутфи, Дурбек от Саккаки, Муками от Фурката? А про всех там одно и то же: там-то родился, там умер, такне-то написал стихи, то-то сделал. А дух поэзии, своеобразие, исключительность таланта? Думают ли об этом авторы?»

Дядя иногда, конечно, перегибает палку, но это от того, что он любит свою работу, тяжело переживает неполадки, старается что-то улучшить, усовершенствовать. Признаться, мне нравится разговаривать с дядей о литературе, он очень хорошо знает и современных писателей, их произведения, но не нравится он мне тогда, когда начинает критиковать. Возражать ему трудно, он очень эрудированный. От споров я стараюсь уклониться, чтобы не попасть впросак. И на этот раз все вело к спору, но я сумел, извинившись, выскочить во двор, оставив в доме для продолжения разговора жену.

В старых постройках этого двора, в каждом камешке, в каждом кирпичике, можно сказать, есть частица моей души, частица детства. Потому-то в любой приезд я хожу вдоль заборов, брожу по задворкам, вспоминая свое детство. Почему-то передо мной возникают предметы, которые давно исчезли со двора. Например, гнезда горлинок под камышовыми карнизами... Как часто, несмотря на запрет отца, не боясь возможного наказа-

ния, вытаскивали мы из гнездышек неоперившихся еще птенцов. Правда, мы их не мучили, лишь с любопытством рассматривали и помещали обратно в гнезда. Но в каком ужасе летали вокруг нас их родители и в отчаянии чуть ли не кидались на нас. И вот однажды произошло событие, которое навсегда отбило у нас охоту к подобным шалостям.

В то время в нашем кишлаке были только низкие глинобитные дома, крытые камышом, политые глиняным раствором, перемешанным с саманом — мелко нарезанной соломой. Сейчас-то ведь большая часть домов в Каркарали кирпичные и высокие. Даже в сохранившихся старых постройках стены приподняты, камышовые крыши заменены железными либо черепичными. Так вот, однажды наше внимание привлекла необычная дыра, зиявшая под камышовым карнизом нашего старого домишки. И сразу же зуд любопытства лишил нас покоя. Может быть, там гнездо невиданной птицы? Или птенцы необыкновенной величины и красоты? Не обнаружив в положенном месте около кладовки лестницы, мы кинулись к ослу, пасущемуся у ручейка. Осел, как ему положено по своему характеру, долго упирался, не хотел уходить с лужайки, но мы тащили его за веревку, подталкивали сзади и наконец поставили около стены. Агзам держал осла за уши, а я взобрался на ребристую спину и запустил руку в загадочную дыру. Пальцы мои коснулись чего-то мягкого и холодного. Глядя на дружка, который, задрав голову и крепко сжимая в руках уши осла, блаженно улыбался, я схватил мягкий предмет и вытащил руку наружу. И тут лицо Агзама перекошилось от ужаса, глаза, как говорят, полезли у него на лоб. Он выпустил уши осла и буквально окаменел. Почувствовав свободу, осел немедленно двинулся к ручейку, а я, потеряв равновесие, полетел на зем-

лю. Пальцы я, конечно, разжал, и из моей руки выскользнула змея. Я еле успел заметить, как она, крутнувшись в воздухе, шлепнулась на землю вместе со мной и тут же штопором ушла в дыру под стеной.

Детство, детство! Сколько лет прошло с тех пор, сколько воды утекло, мы давно повзрослели, обзавелись семьями, разъехались, а кишлак все так же мил нам, воспоминания детских лет яркие, незабываемы... И, может быть, незабываемы именно потому, что наше детство пришлось на суровые годы Великой Отечественной войны, годы испытаний на крепость нашего строя, на мужество и твердость духа советских людей.

В тысяча девятьсот сорок восьмом году, закончив среднюю школу, мы вместе с Агзамом приехали в Ташкент на учебу. Через пять лет мой дружок окончил сельскохозяйственный институт, вернулся в кишлак, долго работал агрономом, а последние три года руководил колхозом. Я же после учебы стал журналистом.

... Я бы еще долго бродил по двору, предаваясь воспоминаниям, но тетя Манзура позвала меня:

— Мулла йнгит!

Я спешил к дому. Тетя Манзура и дядя Пулат стояли у очага и не то совещались, не то спорили о чем-то. Я подошел к ним.

— Подействуйте, пожалуйста, племянник, на своего дядю,— будто с недовольством попросила тетя.— Я хочу сварить плов, а он советует шилпилдок¹, говорит, что для горожан эта еда редкостная. Рассудите нас. Может, сами подскажите, какое блюдо вам больше по вкусу?

— Заказывай, племянник, шилпилдок! Поджаренный,

¹ Шилпилдок — блюдо из кусков теста и мяса.

поперченный...— начал было доказывать превосходство этого блюда дядя, но тетя решительно перебила его:

— Да подождите же, пожалуйста! Пусть мулла йнгит сами скажут.

Я смотрел на этих уже седых людей, таких близких, заботливых и гостеприимных, и радовался, что жизнь наша такая — выбирай самое лучшее кушанье, не стесняясь, желание будет исполнено. И я решил пошутить:

— А не лучше ли сварить гуджу?— серьезно спросил я.

— Гуджу?— с удивлением переспросила тетя.— Ту, что ели в войну?

— Ту самую,— подтвердил я.

Они переглянулись.

— Нет ли у тебя температуры?— с беспокойством спросил дядя и пошел ко мне.

— Вай, мулла йнгит, вы все такой же шутник, посмеиваетесь над нами, стариками,— всплеснула руками тетя.

— Никаких шуток!— продолжал я настаивать, стараясь как можно дальше запрятать предательскую улыбку.— А разве плохая еда? Видать, вам жалко горсть этой беленькой муки из джугары или она у вас вся перевелась? Что же, тогда придется мне самому позаботиться, на базе ее сейчас завались... А с молочком да со сливочным маслицем — пальчики оближешь...

Только тут тетя с дядей окончательно поняли, что я шучу, и от души рассмеялись. Дядя погладил бородку и, погрузнев, сказал тихо, медленно произнося слова:

— Да... Тяжелые были времена... А теперь вот мы шутим...— и неожиданно и смешно забеспокоился:— Жена, а вдруг наш разговор услышит невестка и подумает, что нам жалко джугары?..

— Вай, не дай бог!— заохала тетя, качая головой.— Мулла йигит не могут забыть те времена, как приедут, так начинают вспоминать.— Но, упрекая меня, тетя, как всегда, и сама окунулась в воспоминания:— Ах, какое было время! Гуджу-то выдумали, кажется, как раз в ту пору, когда у нас появился Акмал-ака...

«Когда у нас появился Акмал-ака...»— мысленно повторил я, и у меня защемило сердце. Не все люди оставляют след в памяти, а тем более в душе...

— Пусть будет по-вашему, дядя,— рассеянно произнес я.

И с этой минуты, вплоть до вечера, и даже за вкусной едой, мастерски приготовленной заботливой тетей, я невольно продолжал с болью думать о тех далеких днях, когда к нам в кишлак приехал израненный Акмал-ака. Чтобы как-то уйти от тяжелых воспоминаний, я сказал дяде:

— Что-то Агзам задерживается.

— Еще утром уехал в район на конференцию. Видимо, заседание затянулось,— ответил дядя.

— А Эшмат-ака где? Почему он не заходит?

— Он вместе с Агзамом уехал. Должно быть, вернется к ночи. Утром Эшмат прибежит обязательно.

Распахнулась калитка, и во двор вошли Машхура с Эркином. Она отчего-то никак не могла унять смех. Мы смотрели на нее с недоумением.

— Сарвар, вы бы послушали, что говорит ваш сынок Эркин!..— проговорила она с трудом и опять засмеялась.

— Что же он говорит такое смешное?— спросил я.

— Увидел козу и спрашивает: «Мама, она из мультфильма, да?»

Я также не удержался от смеха. И тетя смеялась. Только дядя чуть улыбнулся и сказал серьезно:

— Что же вы хотите, ребенок не видел животных на

воле, от природы оторван, живет среди камней. Оставили бы его у нас на лето, побегал бы он по полям, повидал бы не только домашних животных, но и птиц, и разных жучков и таракашек... Думаете, ерунда?! Нет! Природа облагораживает человека, делает его сердечнее, добрее...

Я не возражал дяде, и Машхура промолчала. Но я знал: расстаться с Эркином — это для нее сверх всяких сил. Я подумал было о том, чтобы оставить их с глазу на глаз, но разговор отложил до более подходящего момента. Мне вообще не хотелось сейчас ни о чем разговаривать. Воспоминания не отпускали, тревожили. Акмал-ака вставал передо мной изможденный и прихрамывающий, но с веселыми глазами. Веселые глаза на болезненно бледном лице...

Утром я поднялся рано, умылся прозрачной холодной водой из арыка, с удовольствием вдыхая удивительно свежий и тоже холодный воздух. Машхура с Эркином еще сладко спали, и я не стал их будить, хотя соблазн был большой. Уж очень хотелось, чтобы Эркин разделил со мной радость этого утра. С улицы доносилось покрикивание пастуха, мычание коров, повизгивали собаки...

— Мансурджан! — негромко позвал дядя своего младшего сына, паренька лет четырнадцати, которого вечером я видел лишь мельком.

— Слушаю, папа, — сразу же откликнулся с террасы Мансур.

— Сведи пегую в стадо.

— А рыжую?

— Не надо. Она скоро отелиться должна.

Я пошел вместе с Мансуром, очень уж хотелось полюбоваться садами перед восходом солнца, когда все вокруг окрашивается в удивительные, нежные тона, и

все люди, хотя и не совсем еще проснувшиеся, такие улыбчивые, добродушные...

Дядя снисходительно улыбнулся.

— Что, не терпится?

— Похожу немного,— сказал я, скрывая нетерпение.

За нами увязалась Лолахон, дочурка Агзама, первоклассница. Даже таким малышам в кишлаках не спится по утрам — неизвестно, что их поднимает в такую рань: привычка ли, хозяйственные дела взрослых или красота окружающей природы?.. Так втроем, погоняя одну корову, вышли мы на широкую улицу, обсаженную высокими тополями, стройными, стреловидными.

Весна...

Свежее дыхание весеннего утра, невнятный, но такой знакомый разноголосый шум проснувшегося кишлака, трепетание и шелест зеленой листвы на деревьях, тихий шорох нежной травки у арыков — все это волновало меня, очаровывало. И утренний ветерок, хотя и прохладный, был таким ласковым... Нет, мы не зябли, только поживались... В такое утро в городе обязательно кутаешься, боишься простудиться. Здесь же, по примеру Мансура, я тоже вышел в одной рубашке. Я шагал вразвалку, подставляя свежему ветру открытую грудь.

На одном из холмов, упершись подбородком в конец посоха, стоял пастух — низенький, но широкоплечий старик в новой шапке — лохматой, теплой и выдавшем виды халате. Жители кишлака гнали скотину к этому холму. А вокруг холма все было усыпано цветами. Повсюду пламенели маки, тюльпаны...

За холмами показалось солнце: и сады, и горы вдаль вдруг яснее проступили сквозь тонкую дымку утреннего тумана. В сторону реки с криканьем пролетела стая уток. Я с трепетом проследил за полетом красивых птиц...

Мы отвели в стадо корову и уже возвращались обратно, когда я обратил внимание на полуразрушенную кибитку у самого берега сая и снова вспомнил Акмала. Я даже приостановился. Мансур с удивлением смотрел на меня, он не понимал, что меня встревожило. Но я не стал ничего объяснять, только вздохнул, предложил веселым голосом:

— Давайте, ребята, собирать тюльпаны.

— Давайте!— обрадовались Мансур и Лолахон.

— Я буду собирать здесь у берега, а вы там, на холме. Идет?

Дети побежали к холму, а я некоторое время постоял у берега, глядя им вслед, потом медленно побрел вдоль реки, забыв о цветах.

Думами моими завладели события давно минувших, военных лет...

Глава первая

Тогда тоже стояла весна. Но даже от цветущих деревьев, от зеленой травы и красных диких маков веяло скорбью. Столько горя, столько мук переносили люди — и там, на фронтах, и здесь, в тылу, что даже красота природы вызывала боль, напоминала о счастливых мирных днях, воскрешала образы дорогих людей, которые были сейчас в огне сражений...

В те дни, о которых я начинаю рассказ, из черных туч, сплошь устлавших небо, целую неделю почти беспрерывно лил дождь. По дорогам расползлась слякоть — ни пройти, ни проехать. И вдруг, словно по маговению волшебной палочки, небо над кишлаком и полями прояснилось. Дивное время года! Быстро меняется цвет неба. Бывает так: утром сквозь тучи брызжут лучи солнца, весело становится на душе, а через час тучи

снова закрывают солнце и небо, снова льет дождь. К обеду ветер расшвыривает тучи, очищает небо, и все — деревья, трава, дома — парит, сохнет.

Во время дождей земля на улицах кишлака Каркарали превращалась в глинистое месиво. Ходить было трудно, грязь под ногами густая, как тесто...

В тот день мы с Агзамом возвращались из школы, и арбу Эшмата, запряженную парой волов, увидели на главной улице кишлака. Большие, в полтора метра, колеса, облепленные комьями грязи, еле поворачивались, волю кое-как тянули пустую арбу. Было видно, что, пройдя под дождем долгий путь из города, животные обессилели, даже в стойло не торопились. Они медленно вытаскивали ноги из густой грязи, от спутанной, всклокоченной шерсти на их крупах шел пар. А мы, дети, не обращали внимания на то, что животные измучились, нам бы незаметно подкрасться сзади, повиснуть, прокатиться. Тут нам и грязь нипочем.

Шлепая по лужам, мы подкрались к арбе и только хотели повиснуть на задке, как Эшмат громко, со злостью прикрикнул на нас: «Вон, чертенята!» И в то же мгновение над нами свистнула плетка. Мы, пораженные, отскочили. Вот тебе раз! Эшмат-ака раньше никогда так не поступал! Он всегда делал вид, что не замечает наших шалостей. Что же с ним случилось сегодня? Лицо у него мрачное, чем-то он, видимо, расстроено, хмуро глядит перед собой. Мы обиделись, идем за арбой молча, надеясь, что арбакеш еще смиростивится.

Эшмат недавно вернулся с фронта. Без ноги. Он и раньше работал арбакешем, и сейчас в той же должности, хотя и ходит на костылях. Сперва с жалостью смотрели, как он, опираясь на костыли, так и эдак, подпрыгивая на одной ноге, ухитрялся взобраться на арбу. Но очень скоро Эшмат наловчился, и мы наблюдали за ним

уже без сострадания. Работал он не покладая рук, не зная передышки, но был всегда общительный и добрый. Завидев нас, он улыбался, радовался встрече — видно, он любил детей.

Что-то с ним случилось сегодня... И почему-то, не смотря на дождь, он без своей шинели, в одной фуфайке, шинелью же прикрыт хворост на арбе. Нам это, конечно, показалось загадочным. На всякий случай держась на безопасном расстоянии, мы забежали вперед волов.

И вдруг шинель зашевелилась, хворост зашуршал, и это для нас было так неожиданно, что мы застыли от удивления. У Эшмата-ака какие-то секреты! Он что-то интересное везет из города! Но спросить, что там, под шинелью, мы никак не решались. Переглядываясь, мы с Агзамом зашагали впереди арбы. Другие мальчишки тоже хлюпали по дороге сзади, не пытаясь взобраться на арбу.

Возвращаясь из города, Эшмат-ака обычно сразу же сворачивал к колхозному сараю, сегодня же почему-то проехал прямо к правлению колхоза. Остановив волов и зажав костыли под мышками, он осторожно прыгнул с арбы, озабоченно оглядел свою расстеленную на хворосте шинель и, опираясь на костыли, вошел в правление. Мы сейчас же окружили арбу, но все же залезть на нее не решились, стояли и ждали, не пошевелится ли еще раз шинель.

Скоро из здания правления вместе с Эшматом вышли бухгалтер колхоза Иззатулла и его сын по прозвищу Хасан-очки. Заболевшего председателя колхоза Султана-бобо отвезли на днях в Чимкент в больницу, и поэтому бухгалтер временно решал все вопросы. А вообще-то надо сказать, в колхозе ни одно дело не обходилось без его совета — так говорила мама. Был

Иззатулла высок, черен лицом, худощав, но жилист. Люди говорили, что он болен легкими. И впрямь, когда мне приходилось стоять с ним рядом, я слышал, как у него при вдохе внутри что-то скрипело, словно там крутился старый чигирь. С первого взгляда на его лице можно было увидеть лишь глубоко запавшие глаза, черные и поблескивающие, горбатый нос и закрученные вверх, как рожки винторогого козла, усы. Носил он всегда каракулеву ушанку, суконный китель и брюки-галифе. А на ногах — хромовые сапоги с калошами.

Хасан-очки — любимчик Иззатуллы. Он тоже щедушный, жидкий, хотя ему уже далеко за двадцать лет. Он болтлив и нагл. Говорят, что из двух близнецов Хасана и Хусана¹ остался жив только он. Должно быть, поэтому папаша в нем души не чаял. На фронт его не взяли из-за глаз. В начале войны он работал в городе учителем, но почему-то его прогнали, и он явился сюда, к папаше. Лодырь он был изрядный, не брался даже за то дело, которое ему по силам. Он носил большие очки. Они придавали его маленькому личику лисье выражение. А так как в Каркарали никто кроме него не носил очков, ему и дали прозвище Хасан-очки.

Солидной, степенной походкой, которая никак не вязалась с его худобой, Иззатулла подошел к арбе. Рядом семеня его сынок. Эшмат ловко уцепился за края арбы, приподнялся на руках и быстро оказался наверху. Он осторожно потянул шинель. Под ней на хворосте, свернувшись калачиком, лежал человек. Мы затаили дыхание.

— Вот мы и приехали, товарищ, — вежливо, почти ласково сказал Эшмат.

¹ Хасан и Хусан — так обычно называют близнецов-мальчиков.

Незнакомец, сделав усилие, медленно приподнялся. Он был в старенькой шинели и новой шапке-ушанке, какие носили зимой все солдаты Красной Армии, на ногах у него были выдавшие виды ботинки и чистые зеленые обмотки. Лицо худое, безжизненное. Словно не понимая, куда он попал, незнакомец огляделся, а увидев Иззатуллу вместе с Хасаном-очки, вздрогнул. По лицу его прошла судорога. Но, видно, он сумел быстро взять себя в руки и тихо произнес:

— Здравствуйте, товарищи!— В его голосе слышались усталость и безразличие. Он вглядывался в бухгалтера, словно хотел вспомнить, где он его видел.

Иззатулла оглядел незнакомца с головы до ног и, помедлив, на приветствие ответил, но настороженно и холодно:— Здравствуйте!..

А Хасан-очки почему-то зашел за спину отца и на приветствие приезжего не ответил.

Солдат — мы сразу догадались, что это раненый солдат,— прилагая заметное усилие, морщась, вытащил из бокового кармана толстую записную книжку в дерматиновой обложке и начал ее перелистывать. Он нашел какую-то бумажку и, покашливая глухо, протянул ее Иззатулле. Бухгалтер, держа бумажку кончиками пальцев, пробежал глазами написанное, молча повернулся и ушел в правление. Хасан-очки засеменял за ним.

Прошло довольно много времени. Мы с любопытством и нетерпением ждали, что же будет дальше, поглядывали то на дверь правления, то на солдата. Он тоже поглядывал на нас, мне даже показалось, что он один раз подмигнул. Но к нам уже немало приехало эвакуированных, поэтому интерес к приезжим стал ослабевать. Часть ребят ушла, а мы с Агзамом решили дожидаться конца этой загадочной встречи.

Наконец, из здания правления вышел Иззатулла и

кивком головы отозвал Эшмата-ака в сторону. Мы с Агзамом — любопытство нас просто замучило — незаметно приблизились к взрослым.

— Его надо отвезти в ту кибитку, что была ба-ней,— шепнул Иззатулла Эшмату довольно громко, указывая рукой на окраину кишлака.

— Но ведь...— начал было возражать Эшмат.

Но бухгалтер прервал его:

— Это приказ!

— Но нельзя же так!— нетерпеливо повысил голос Эшмат.— По совести делать надо...

— Так в бумаге написано...— опять понизил голос до шепота Иззатулла.

— Поместить в кибитку написано?

— Сказано: вези!

— Сказать можно все! Эх, вы!..— Эшмат взмахнул камчой, словно хотел кого-то ударить, в два прыжка оказался у арбы, вскочил на нее и неистово закричал:

— Чух, поганые! Чух, проклятые!

Арба покатила на окраину. Я пошел за ней. Агзам решил от меня не отставать. Вот арба повернула к старой заброшенной кибитке, где мы не раз играли в прятки.

Почему так поступили? Мы никак не могли понять. Правда, эвакуированных у нас было много отовсюду: с Украины, из Белоруссии, из городов России... У всех сельчан было тесно, однако для одного-то человека можно было найти место. Это происшествие мы обсуждали с Агзамом до самого вечера, но так и не поняли, почему с вновь прибывшим человеком обошлись так негостеприимно. А на другой день во время уроков я все представлял себе, как он, ссутулившись, сидит на соломе и надрывно кашляет. Кажется, и Агзам думал о том же, потому что, прогив обыкновения, он был молчалив.

Когда уроки кончились, мы, повесив через плечо свои сумки, торопливо покинули класс.

Небо начало проясняться, тучи расплывались, то и дело показывалось солнце. Но не надолго. Дул пронизывающий ветер... А мы с Агзамом деловито шагали на окраину, не обращая внимания на ребят, которые с криком, визгом, перегоняя друг друга, пронеслись мимо нас.

— Эшмат-ака привез его вчера в это самое время,— сказал я.

— Да,— подтвердил Агзам.

Ватага ребят добежала до окраины кишлака и свернула к бане. Мы удивились, думали, только мы знаем о солдате. Подошли к бане. Солдат сидел на солнечной стороне, прислонившись к стене между двумя окнами, обняв колени и опустив голову. Став в сторонке, мы молча смотрели на него.

— Заснул,— произнес кто-то.

— Нет, думает,— возразил другой.

Ребята еще некоторое время глазели на незнакомца, затем убежали в кишлак. А мы с Агзамом остались, долго смотрели на солдата, не решаясь подойти, хотя нам этого очень хотелось. Человеку в старой шинели, наверное, было холодно, но разглядывал он нас, в общем-то, доверчиво и ласково.

— Ну, ребятки, подойдите поближе,— вдруг чистым молодым голосом пригласил он.

Мы вздрогнули, но с места не двинулись.

— Что, боитесь?— шутливо, с улыбкой спросил он.

— Нет,— ответил Агзам.

— Так подойдите же.

Мы переглянулись. Затем, не отрывая от него глаз, с опаской подошли. Солдат почему-то тяжело вздохнул и спросил:

— Из школы?

— Да,— ответил я.

— Хвала вам, сынки. А в каком классе вы учитесь?

— В седьмом.

— Как тебя зовут?

— Сарваром его зовут,— опередил меня Агзам.

— Хорошо. А тебя, сынок?

— Его Агзамом зовут,— теперь за товарища ответил я.

— Вы очень хорошие мальчики,— похвалил солдат и снова с натугой вздохнул.

— А вас как зовут, дядя?

— Меня зовут Акмалом,— ответил он охотно и, немного помолчав, спросил:— Ребята, не попадали к вам мальчик и девочка из Ташкента без родителей?

— Нет,— ответил я.

— Значит, мне сказали неправду...— Он опять вздохнул и спросил меня:

— Какие у тебя книжки в сумке, Сарварджан? Покажи-ка мне, пожалуйста.

Я быстро снял лямку с плеча, положил сумку на землю и, расстегнув пуговицы, одну за другой начал вынимать книги и подавать ему. Он рассматривал книги со странной жадностью, словно человек, не евший много дней, которому в руки попала лепешка. Мы наблюдали за ним и удивлялись — разве он никогда не видел учебников? Осмотрев все книги, он выбрал «Хрестоматию по литературе» для седьмого класса, приблизил ее к лицу, вдохнул глубоко, прижал ее на мгновение и зажмурил глаза. Потом он протянул мне книжку и, вынув из кармана носовой платок, вытер лоб и щеки.

Я спросил:

— Что с вами, дядя?

— Ничего, сынок, ничего...— произнес он устало и

снова опустил голову. Только тут я увидел, что его коротко остриженные волосы совсем седые. Его плечи стали вздрагивать. Видимо, он силился унять дрожь, но никак не мог... Наконец, нервы его, видимо, не выдержали, и мы увидели, как из глаз на руки закапали слезы. Я дернул Агзама за рукав, мы попятились и тихо, стараясь не шуметь, ушли. Трудно было смотреть на человеческое горе...

Глава вторая

Отец мой на фронте. Мы живем вчетвером: мама, я, братишка Тимур и сестренка Халима. Кибитка у нас маленькая, поэтому к нам никого из эвакуированных не поселили. Работает только мама, трудится она, не покладая рук, день и ночь. Днем вместе со всеми в поле — засыпает удобрения, ухаживает за посевами хлопчатника, а вернувшись поздно вечером домой, доит корову, стирает, латает одежду, готовит ужин и еду на завтра, моет нас, укладывает спать. Конечно, и я помогаю ей, но я еще не все умею делать. Надоенное молоко через день мама отдает соседям, а они тоже через день отдают молоко нам. Это называется тегишик. Один день, можно сказать, мы постимся, зато на другой молока и сливок получается вдоволь, кроме того, вроде и тратится меньше. Мы пьем молоко без лепешек. Если достанем немного зерна, то мама пропускает его через домашнюю крупорушку — яргучак, — а потом печет нам лепешки и готовит суп. И нет на свете вкуснее этих лепешек и этого супа.

Раз в день в поле для всех работающих колхозников готовится еда в большом казане. Иные сельчане приводят на станы детей. Мама иногда тоже водит нас туда,

но все равно мы часто голодные. Бывало, братишка и сестренка плачут, просят хотя бы кусочек лепешки. Мама отворачивается от них и молчит. Сколько раз объясняла она им, что идет страшная война, фашисты хотят нас закабалить, но малыши очень плохо все это понимают. Я же хоть и считался уже «большим и умным мальчиком», тоже втайне от малышей пускал слезу. Но если кто замечал мои слезы, я говорил, что упал и ушибся. А чаще всего я вспоминал своего папу, и тогда плакал, уже не скрывая своего горя.

По дому и мне приходилось много работать. Я приготавливал корм для коровы, затем долго скреб лопатой и начисто подметал пол. Мама во всем любила порядок и чистоту.

Но сегодня я проявлял особенное рвение. Вернувшись с поля, мама увидит чистый хлев, подметенный двор, порядок в кибитке и будет радешенька. А я воспользуюсь этим и выпрошу у нее кусок или полкасы молока и несколько сушеных кругляшков творога, который у нас называется куртот. Мама, конечно, даст, и я все это понесу раненому солдату. «Бедный Акмал-ака, наверное, сидит, сжавшись от холода...» — думаю я, и сердце мое сжимается от жалости.

Управившись со всеми делами, я привел братишку и сестренку из детского садика, то есть из дома Унсанбуви. К ней, к этой доброй старушке, многие родители отводят своих ребят, и они там целый день играют. Унсанбуви хоть и старенькая, но еще подвижная, и ребят держит в строгости.

Усадив малышей возле сандала, я уже принялся было за домашние задания, когда вернулась с работы мама. Она выглядела очень усталой, щеки у нее ввалились. Из-под платка выбилась запыленная, но все равно черная прядь волос. И хотя уже стало смеркаться, в доме

вроде бы стало светлее. Мама улыбнулась, и мы весело защебетали.

Мама зажгла лампу.

— Сарварджан, наверное, стадо пришло,— сказала она.— Привести бы корову надо...

Отложив учебники и тетради, я побежал на улицу встречать стадо — это моя каждодневная обязанность, как, впрочем, и многих других мальчишек кишлака. Утром после дойки мы выгоняем коров в стадо, а вечером встречаем. Когда мама подоит корову еще раз, я веду ее в коровник и привязываю.

Стадо уже прибыло, но я успел вовремя и пригнал корову домой. Мама подоила ее и унесла молоко соседям в счет тегишик. Выполнив кое-какие другие дела, мама тоже села к сандалу погреться и отдохнуть. Вижу, она заметила, наконец, мое особенное усердие в хозяйстве, очень ласково посмотрела на меня и погладила по голове шершавой, но такой легкой ладонью.

— Какой ты у меня молодец, сыночек! И за коровушкой присмотрел, и прибрал повсюду. Ах ты, богатырчик мой, облегчение мое... Ну, как дела у тебя с учебной, сыночек?

— Хорошо, мама.

— А я тоже скоро пойду в школу,— вставил свое Тимур.

— И я...— пролепетала Халима.

— Пойдете, пойдете, милые,— мама и их погладила по головкам.

Я решил, что настал самый удобный момент, чтобы попросить у мамы немного молока и сушеного творога.

— Мы вчера, возвращаясь из школы, вместе с Агзамом ходили к Акмалу-ака...— начал я издали, боясь сразу получить отказ.

Мама с удивлением спросила:

— А кто это такой Акмал-ака?

— Ну, тот, которого привез на арбе Эшмат-ака. Вот к нему мы и ходили.

— Его зовут Акмалом? Откуда вы узнали?

— Сам он сказал. Попросил у меня книгу, я дал, а он прижал ее к лицу и заплакал.

— Заплакал?

— Да, заплакал. Мы спросили, что с ним, а дядя ответил: так, мол, ничего не случилось, вспомнил кое-что.

— Бедняжка, наверно, детей, семью вспомнил,— сочувственно вздохнула мама.— Слышала я, что Иззатулла плохо поступил... Ему, бедняжке, наверно, и есть нечего.

— По-моему, у него ничего нет.

— Может, молочка дать? Отнесешь?

— Конечно, мама!

Мама дополна налила в касу молока и подала мне.

— Не пролей!

— Дайте и несколько шариков курта,— попросил я.

Ничего не говоря, мама дала шесть штук. Я уже отправился было за порог, но мама позвала:

— Сыночек, постой-ка!

Мама взяла у меня касу из рук, отошла к нише, накрыла касу белой тряпочкой и вернула мне молоко, сказав:

— На, носи. Не хорошо, когда ночью в молоко заглядывают звезды.

С касой в руках и куртом в кармане я быстро зашагал по улице. А сам то и дело поглядываю на касу с молоком — не пролить бы. И вдруг где-то на полпути передо мной вырос человек, я чуть было не опрокинул

касу от испуга. Но, присмотревшись, я узнал Таташа-джиини. Таташ — юродивый. У него что-то неладно с головой. Ходил он не как все нормальные люди — всегда куда-то торопился, бежал. И все время мурлыкал под нос какую-то ему одному известную тягучую песню. Жил он и спал где придется, одет был во что попало. Но человек он был совершенно безвредный.

— Хо-о! — выкрикнул он немного гундося. — Кто ты, кто ты?

— Я — Сарвар.

— Хо-о, а что в руках?

— Молоко.

— Хо-о-о, покажи! — Он выхватил из моих рук касу и начал жадно пить молоко. Я вцепился обеими руками в касу, пытаюсь отнять ее.

— Это не тебе, отдай! — закричал я.

— Хо-о, кому же? Скажи, кому? — перестав пить молоко, заинтересовался Таташ.

— Солдату. Он живет там...

— А? Он плохой, плохой! Хо-о-о! — тоже закричал Таташ, но касу мне возвратил. — Хо-о, он отнял у меня дом... Теперь мне негде жить... Кто даст мне молока? У меня отняли молоко... Хо-о, плохо, вай, плохо!..

И он, мурлыча и плача, стремительно побежал прочь. Я стоял как вкопанный. Мне было его жалко. Заглянул в касу — молока стало на два пальца меньше. И жалость моя прошла, мне даже хотелось повернуть обратно, ведь солдат мог подумать: «Сколько молока выпил по дороге этот мальчишка!» Но какая-то сила все-таки потянула меня вперед. Вот, наконец, и заросший двор. Я заглянул в черный провал двери и крикнул:

— Акмал-ака!

— Кто там? — отозвался жилец.

— Это я, Сарвар.

— Сарвар? Сарварджан? Поди сюда, сынок,— ласково и сонливо позвал солдат.

Ничего не видя, я направился на шелест соломы, с каждым шагом ощупывая пол ногой, осторожно держа обеими руками касу с молоком.

— Принес вам молока,— сказал я для того, чтобы в темноте он случайно не выбил у меня из рук посуду.

— О, напрасно ты утруждал себя, сынок. Ну, коли принес, спасибо,— поблагодарил он.— Вот лампы-то у меня нет. Еще не совсем устроился. Да ладно, обойдемся.

— Вот и курт еще,— достал я и подал ему шарики.

— Спасибо, сынок, спасибо.

Солдат осторожно принял у меня в темноте касу и выпил молока, а курт положил в вещмешок про запас.

— Недавно приходил тут какой-то парень, скандалил. Я не совсем разобрал, о чем он толковал мне. Ты не видел его? Кто он такой?

— Не знаю, о ком вы говорите...

— Странный какой-то.

Я догадался, что речь идет о Таташе-джинни, но рассказывать о нем мне не хотелось. Можно расстроить солдата, а ему надо залечивать раны. И я промолчал.

— Сарварджан, кто у тебя дома?— немного подождав, осторожно спросил он.

— Мама, я, братишка и сестричка. Больше никого. Папа на фронте. А что?

— Да так...— замялся он и опять помолчал. Белое лицо его в темноте можно было немного разглядеть, но что на нем было именно сейчас, я не рассмотрел. Все-таки над чем-то он, видно, задумался, потом поднял голову и сказал чуть насмешливо:

— Чудно! Из правления мне передали немного зерна. А я не знаю, что с ним делать — ни котелка у меня,

ни другой посуды. Котелок-то в госпитале забыл. Хорошо, что хоть ложку сохранил, а то и за солдата можно было бы меня не считать... Какой-то стал я неприспособленный... После контузии забываю все начисто... Так о чем это я? Да... Не сварит ли мне кашу твоя мама?

— Сварит, дядя, мама не откажется,— торопливо заверил я.— У нас есть свой яргучак, зерно перемелем,— добавил с радостью я, чтобы он больше уверился в моем обещании. Мне очень хотелось ему чем-то помочь — тогда ведь и спрашивать о войне будет легче.

— Если это не трудно...

— Нет, нисколько!

Акмал-ака высыпал из мешочка зерна в пустую уже касу, протянул мне. Осторожно держа касу в руках, я попрощался. Расспрашивать, где он воевал, как был ранен, я пока не отважился. «Вместе с Агзамом спросим»,— решил я и отправился домой.

Глава третья

Вернувшись домой, я застал у нас за сандалом дядю Пулата и Эшмата-ака. Мама ставила самовар. Он у нас медный, старенький, но с медалями, это большая наша семейная драгоценность. Мама кипятит его только для особо уважаемых людей, все остальное время самовар стоит в нише, на возвышении. Дядя Пулат и Эшмат нас навещают часто. Эшмат и папа были самыми большими друзьями. И на фронт ушли вместе.

Эшмат, как может, помогает нашей семье: мама иногда дает ему сузьму — сладкий творог, сливки, и он отвозит наш товар в город, а там мой дедушка продает их и, купив зерна, чаю или что-нибудь из одежды, присылает нам. Вот и сегодня Эшмат, кажется, привез кое-что от дедушки.

И верно, только я успел поздороваться, мама начала расстилать дастархан на сандале. Хотя сегодня я уже видел дядю Пулата, все равно поздоровался с ним снова.

Дядя Пулат, как мне показалось, был не в настроении. Он нехотя ответил на мое приветствие и тут же спросил:

— Ты пришел от Акмала?

— Да, от него, дядя,— ответил я.

— Так...— неопределенно сказал дядя и потербил свою поседевшую бородку. Видимо, перед моим приходом они говорили про солдата.

— А что это у тебя в руке?

— Каса.

— А в ней?

— Пшеница.

— Пшеница?!— удивился арбакеш. Я понял его — ведь пшеница тогда была на вес золота, это хлеб, и я было собрался ему ответить, но меня тут же перебила мама.

— Где ты ее взял?— закричала она, неизвестно о чем подумав.

— Акмал-ака дал. Ему из правления принесли.

— А зачем он ее тебе отдал?— опять вступил в разговор дядя. И у него голос был строгий, мне даже страшновато стало. Я ответил ему поспешно:

— Он попросил, чтобы мама кашу сварила. Я сказал, что мама не откажет.

Тут все присутствующие облегченно вздохнули, а мама покачала головой и сказала сочувственно:

— Вай, бедняжка, бедняжка...

— Негодяй!— неожиданно ругнулся Эшмат, посмотрел на меня сердито, но больше ничего не сказал. Я сжался от страха.

«В чем я провинился?»— замелькали у меня тревожные мысли. Но мама подошла ко мне, взяла касу и, погладив по голове, сказала мне тихонько, чтобы я шел к малышам. Только тут я понял, что слово «негодяй» ко мне отношения не имело.

Пока закипел самовар, Эшмат и дядя Пулат о чем-то тихо разговаривали. Я не прислушивался.

Вдруг я увидел, что мама положила на дастархан буханку хлеба и три кусочка сахара. Буханка круглая-прекруглая! Когда мы видим хлеб, нам даже не до сахара. Хлеб! Нас тянет к нему неодолимая сила, тяжело, очень тяжело удержаться, но подойти мы, ребятишки, не смеем. Если подойдем, то мама скажет, что так не поступают хорошие дети. Тимур и Халима об этом тоже знают и только смотрят на хлеб блестящими и жадными глазами. Они ведь почти не помнят, что до войны хлеба было вдоволь, а я все помню и всеми своими детскими мыслями проклинаяю немецких фашистов. Если бы я мог, то убежал бы на фронт и сражался бы не на жизнь, а на смерть с проклятыми шакалами. Только мне уезжать нельзя — мама не справится с моими братишкой и сестренкой... Эх, судьба моя незавидная!..

А вот у сандала уже стоит шумящий самовар. Вода в нем булькает, веселится, и он словно стал новее.

— А ну Сарвар, Тимур, Халима, подойдите сюда,— позвал нас дядя.— Подойдите, детки.

Братишка и сестренка не заставили себя ждать, быстро подбежали к дастархану, а я, не желая получить упрек в невоспитанности, не торопился.

— Сарвар, не слышишь, что ли?— упрекнула меня мама. Она вытирала пиалушки.— Дядя зовет!— сообщила она, словно я не слышал этого зова.

Тут и я быстро уселся рядом с малышами, которые

пристроились возле дяди. Сел я рядом с Тимуром, он пальцем поманил меня.

Эшмат-ака начал резать буханку. А мы все не спускали глаз с хлеба. Смотрел, смотрел я, как Эшмат-ака разрезает буханку, как на ножике остаются крошки хлеба, и громко проглотил слюну. Все заметили, но хорошо, что никто ничего не сказал. Хлеб был малость недопечен, и все же запах от него шел нестерпимо аппетитный. Середина буханки немного раскрошилась, и малыши, проявляя нетерпение, начали подбирать крошки и пререкаться.

Хотя дядя Пулат тоже наблюдал за действиями Эшмата, думал он, оказывается, совсем о другом.

— Худо,— произнес он, хмурясь.

— Что худо?— спросил Эшмат-ака.

— Зачем этого человека надо было помещать в холодную кибитку? Другого места нельзя было найти?

— Полное безобразие!— согласился Эшмат-ака, очищая лезвие ножа от прилипшего хлеба. И после некоторого раздумья предложил:— А если нам самим поместить Акмала к кому-нибудь, у кого потеплее? Как, потвоему, к этому отнесется Иззатулла?

— Ему, конечно, не понравится,— уверенно заявил дядя Пулат и в подтверждение резко махнул рукой.— Только вот найдется ли такой дом, куда можно будет поместить солдата? Возьмем тебя, Эшмат: семейка небольшая и эвакуированных двое. И ко мне нельзя — одна комнатуха на пятерых. Если бы дело было летом... А другим предлагать — дело сложное. Ведь человек-то был...

— Что еще?— насторожился Эшмат.

— Иззатулла говорит, что Акмал был осужден за воровство...

— Ну и что? Человек пролил кровь. Если и была

вина, он искупил ее. Человек перед лицом смерти всю свою жизнь обдумывает заново, поступки свои оценивает строго. Если человек дважды побывал в госпитале, ему можно верить... Немало повидал таких...

— Ну, ладно,— сказал дядя Пулат.— Приедет Султан-бобо, тогда посмотрим. Во всяком случае, оставлять его там нельзя...

Я затаил дыхание. Так вот, какие дела, оказывается... Я даже о хлебе на минуту забыл. «За что же был осужден солдат? Как это — искупил вину?» Вопросы кружились у меня в голове, летали, метались, словно стрижи, но попросить разъяснения я не осмелился.

Мужчины опять долго сидели в задумчивости, попивая чаек, кладя в рот малюсенькие кусочки сахара. Можно сказать — для близира — сладости от них почти не ощущалось. А мама все разливала чай по пиалушкам, из самоварного краника вырывался пар, и самовар уютно шумел, точно нашептывал какую-то свою песенку — веселую, гостеприимную и шутливую... А мы медленно жевали хлеб, чтобы подольше продлить удовольствие...

— Сарвар, ты долго разговаривал с дядей Акмалом, когда вы были у него с Агзамом? — обернувшись ко мне, спросил дядя Пулат.

— Долго. Он рассматривал наши книги, прижимал их к груди... — Я рассказал все, как было. Эшмат и дядя Пулат переглянулись. Мама тяжело вздохнула, ей было жалко раненого солдата.

Эшмат отхлебнул из пиалы чай и сказал невесело:

— Когда я вез его на арбе, он так печально рассматривал наши поля, будто что-то вспоминал и мучился.

— Вы разговаривали? — спросил дядя Пулат.

— А как же.

— О чем?

— Он, оказывается, раньше работал в городе учителем, поэтому интересовался, есть ли в кишлаке школа, сколько в ней учится детей. О школе я рассказал, ну, а сколько детей у нас, какие из них учатся, какие нет — откуда мне знать.

Дядя Пулат улыбнулся.

— Тебе своих-то трудно посчитать, не только чужих...

— В руке он держал толстую маленькую тетрадь, — не обратив внимания на шутку дяди Пулата, серьезно продолжал Эшмат-ака. — Хотел, видно, в ней что-то прочитать, только арба качалась, да и руки у него здорово тряслись. Это от контузии, я знаю. А когда подъехали к речке Карсак, на воду опустилась стая уток. Солдат обрадовался, посветлел лицом и сказал: «Чудные места... Чудные!»

— Может быть, он бывал у нас? — оживился дядя Пулат.

— Не знаю.

— А еще о чем говорили?

— После не удалось поговорить. Когда переехали через Карсак, нас нагнал на иноходце Иззатулла. Прогнал мимо, не поздоровался. «Кто это?» — спросил солдат. «Наш бухгалтер», — ответил я. Он ничего не сказал, прилег на хворост, укрылся с головой... Он, кажется, сильно израненный, но не жаловался, только тяжело вздыхал.

Мужчины задумались. Мама воспользовалась перерывом в беседе и обратилась к Эшмату:

— Дедушка Сарварджана ничего больше не сказал?

— Дед? — точно опомнившись, вскинул голову Эшмат-ака. — Сказал, как не сказал! «Соскучился по внукам, говорит, хотел бы съездить, повидать, да все некогда. Заботы одолели». И в самом деле, мы тут жалу-

емя, тяжело, мол, а ведь городское житье сейчас еще труднее.

— Да, пока война не кончится, достатка не будет. Фронту всеми силами надо помогать. Чем больше мы поможем, тем скорее победим проклятого фашиста,— сказал дядя Пулат.

Потом заговорили об ушедших на фронт родных, знакомых, соседях, молодых и пожилых уже, о том, что от нескольких фронтовиков давно нет писем. Потом забирались по домам.

— Эшмат-ака, у вас завтра в городе нет никаких дел?— спросила мама.

— Нет, послезавтра поеду. Приготовь, что надо,— ответил Эшмат.

— Не о том я...

Но Эшмат-ака не обратил внимания на заминку мамы, взял свои костыли и вышел во двор вместе с дядей Пулатом.

Мама постелила малышам постель, постояла у окна, подумала и вдруг сказала мне:

— Сарварджан, сыночек, пойдем-ка со мной.— Она повела меня на веранду.— Ты, сыночек, легче меня, лезь на балахану.

— Зачем?— удивился я. Признаться, мне было боязно. Там темно, среди разного скарба и скорпионы могли оказаться.

— Найдешь мешок и подашь мне,— наказала мама и посадила меня.

Очутившись на балахане, я в первую минуту двигался, ничего не различая, наткнулся то на бидон, наверное, дырявый, то на старую люльку. Наступил на глиняный горшок и, кажется, раздавил его...

— В правом углу мешок... Вон там... К стенке приставлен,— поясняла мама.— Нашел?

Я не отвечал. От страха я сжал зубы. Наконец я нашупал мешок и радостно крикнул:

— Нашел!

— Тащи его сюда.

— А что в нем, мама?

— Колосья.

— Колосья?— не поверил я.

— Подавай же!— сердито приказала мама, и я заторопился.

Большой мешок до половины был набит колосьями и оказался очень тяжелым — килограммов двадцать-двадцать пять. Я кое-как дотащил его до края балаханы и свалил на руки матери. Когда я спрыгнул вниз и вошел в комнату, мама, очистив один колосок, собрала зернышки на ладони и подошла к лампе.

— Точно золотые. Пшеница яровая, сами сеяли. Это я после обмолота подмела хирман, думала, пригодится на черный день...

Мне все уже было ясно. Мама, бедняжка, не будет знать покоя всю ночь. И точно: она до полуночи не сомкнула глаз — обмолачивала в ступе колосья, веяла, отделяла мякину от зерна. Я как мог помогал.

Меня стало клонить ко сну, я зевал во весь рот. Устала и мама, со лба ее и щек катился пот.

— Хватит, мама, ложитесь спать,— посоветовал я.— Отдохните, а то ведь на работу вам надо идти.

— Верно, скоро на работу уже надо собираться, сынок.— Мама пальцем смахнула со лба крупные капли пота. Постелив на циновки скатерть, она сказала:— Сейчас немного зерна размельчим, чтобы завтра можно было приготовить еду. Постараюсь с работы вернуться пораньше. Позовем в гости твоего солдата. Обогреется человек у сандала, да и внимание людей ведь тоже согревает...

Я обрадовался — интересно же, что расскажет солдат. Придет, наверно, и Эшмат-ака, не зря же мама спрашивала, есть ли у него завтра в городе дела.

Мама поставила на скатерть крупорушку. Я держал один конец скалки, другой конец был воткнут в ямку круглого камня. Мама начала вертеть камень, зерно стало превращаться в крупу.

Легли спать мы поздно, но очень довольные.

Глава четвертая

После уроков я, отмахнувшись от приглашений друзей и даже не сказав ничего Агзаму, направился прямо к старой бане. Ночью, укладывая меня спать, мама сказала: «Завтра после уроков сходишь к солдату и скажешь, чтобы вечером он пришел к нам. Позовешь также Эшмата-ака и дядю Пулата. Они побеседуют — все на сердце станет легче». И вот, нарушив заведенный порядок, не выполнив еще домашнего задания, шагаю я на окраину кишлака.

Сегодня совсем тепло, небо безоблачное. От земли поднимается синий пар. На деревьях завели свои звонкие песенки разные птички, особенно веселятся и кричат воробьи. По берегам арыков на солнечной стороне уже проросла молодая еще светло-зеленая травка. У дувалов лентами выются подсохшие тропинки, идти легко. Земля у нас высыхает быстро. А все-таки как все удивительно в природе! Три дня назад, когда приехал в кишлак Акмал-солдат, был настоящий ливень. Вчера ударил морозец. А сегодня уже весна...

А вон и старая баня. Только я хотел повернуть в переулок, как меня кто-то окликнул:

— Сарварджан!

Позвали очень тихо, поэтому я даже не понял сразу,

откуда идет голос. Я огляделся и увидел метрах в пятидесяти, на солнечном зеленом склоне невысокого холма, раненого солдата. В руках у него была палка. Поигрывая ею в воздухе, он помахал мне другой рукой, подзывая к себе. Я подошел. Вижу, настроение у солдата хорошее, лицо довольное. Улыбается он.

— Рад видеть тебя, Сарварджан в своих владениях,— шутливо повел он вокруг рукой.

— Здравствуйте!— поздоровался я.

— Здравствуй, дорогой! Да вырасти тебе большим и сильным джигитом!— пожелал он мне.

Шинель у него была распахнута, ворот гимнастерки растегнут, голую грудь он подставил солнцу. Хоть было довольно жарко, ушанку свою он не снял. Из-под шапки на висках выбивались седые волосы. «Наверное, весь белый»,— подумал я.

Вычерчивая посохом на земле кружочки и жмурясь от солнца, он говорил так, словно меня тут не было:

— Вот и дожил до весеннего времени благополучно. Ну, точно прибыл домой, свиделся с женой, детьми своими...

— У вас есть дети? И сын есть?— спросил я.

— Сын тебе ровня, а дочка на два года моложе,— ответил он.

— А как зовут вашего сына?— Я совсем осмелел, пододвинулся к нему ближе.

— Фархадом его зовут,— мягким и нежным голосом ответил он. Потом ласково, словно своего сына, осмотрел меня и спросил:— Сколько тебе, Сарварджан?

— В этом году исполнится пятнадцать.

— И моему Фархаду тоже...

Солдат с тоской и нежностью осматривал меня, видно, он очень любил своего сына, и мне почему-то вспомнился мой папа, вспомнились те минуты, когда он осо-

бенно был ко мне ласков, готов был исполнить любую мою просьбу. У него были в эти минуты такие веселые глаза, он так радовался, что мне становилось тоже нестерпимо весело, даже сердце заходило. А сейчас я смотрел на солдата, и мне было его жалко.

— Акмал-ака, а вы ночью не мерзнете?

— Нет. В местах, где я воевал, тридцать пять — сорок градусов мороза было. А здесь не погода — халва.

— А где вы воевали? — я спросил и лишь потом спохватился: человек больной, ему рассказывать трудно, да и вопрос этот я хотел задать вместе с Агзамом, ведь ему тоже интересно послушать о войне.

— Э, сынок, рассказ этот длинный, о фронте как-нибудь после поговорим, — убеждал он меня.

А мне так хотелось узнать, в каких краях он воевал, кем был на фронте, много ли убил фашистов. Но все же я переборол свое любопытство, просить больше не стал.

— Хош, — вздохнул солдат и спросил: — Ты сейчас из школы?

— Да. Только что кончились уроки.

— Ты любишь литературу, сынок?

— Люблю.

— А какие книги ты читал?

Я замаялся. Оказывается, за все время я очень мало книг прочитал до конца. Не то книги попадались скучные, не то времени было у меня маловато... А скорей всего сам я не особенно старался, любил побегать по улице. Я так и рассказал солдату.

— Э, так не годится, Сарварджан. Любить литературу и не читать книг! Что это такое? А что за человек ваш учитель по литературе?

— Хороший человек. Мой дядя, — хвастливо сообщил я.

Солдат неопределенно покачал головой, не то одобрил мое сообщение, не то в чем-то засомневался, и спросил снова:

— А какие ты знаешь сказки?

— «Соврешь, трижды соврешь и сорок раз тоже», потом — «Бей, дубинка...»

— А дастаны? «Тахир и Зухра», «Алпамыш», «Раушан»?

— Я их названия слышал, но не читал.

— В школе у вас есть библиотека?

— Есть. Но таких книг там нет.

Он посмотрел на светлое безоблачное небо, о чем-то подумал и сказал, чуть улыбнувшись:

— А хочешь, я расскажу одну из этих поэм? Слушать будешь?

— Вы знаете их на память?

— Знаю. Я ведь тоже люблю литературу...— и он тихонько засмеялся. Затем заговорщически мне подмигнул.— Давай, Сарварджан, договоримся так: я расскажу тебе все сказки, какие знаю, каждый день буду рассказывать по одной, а ты поводишь меня по кишлаку, покажешь поля, сады. По рукам?

— Хорошо, согласен!— обрадовался я.

— Но еще одно условие: ты и сам будешь регулярно читать книги. А я очень строгий, часто буду проверять. Договорились?

— Ладно...— с неохотой выговорил я это слово. Обещания-то надо выполнять, а я не особенно надеялся, что сумею долго сидеть за книгами. Однако слово вылетело, и настроение у меня испортилось.

— Хвала!— воскликнул обрадованно солдат.— В таком случае, прямо сейчас я прочитаю тебе одну поэму.

По всему было видно, что солдату отпускать меня не хотелось, он желал, чтобы я хоть немножечко еще поси-

дел с ним. Одному ведь скучно. Хотя дома меня ждали неотложные дела, я сел на камень и превратился весь во внимание, как говорил мой дядя. Солдат тоже уселся поудобнее, застегнул шинель, немного подумал, глянул на другой холм, что возвышался в отдалении, и спросил:

— Хош, какую же тебе вначале прочитать поэму? Может, начнем с «Раушана»?

Я промолчал. Мне было все равно, с какой поэмы он начнет, только мне хотелось его немного поторопить — домашние дела откладывать нельзя было.

Наконец, он откашлялся, приложил руку к груди и начал говорить. До этого я думал, что он человек немногословный. Оказывается, ошибался. Он сразу преобразился, стал каким-то совсем другим — подвижным, резким, я даже рот разинул. Когда он рассказывал о врагах, о проделках Қарахана, глаза у него прямо-таки горели ненавистью. Приподнявшись, он читал стихи то с гневом, то с презрением. Он, наверное, не замечал, что взмахивает своими слабыми руками, стучит концом палки о землю, словно собирался сам вступить в сражение. Когда же дело дошло до Раушанбека, глаза солдата засияли восторгом, он заговорил до того красиво, что я затаил дыхание. Все будто происходило передо мной: я представил себе, как Раушан летел на своем сказочном скакуне через поля около нашего Каркарали, будто его крылатый конь пил воду из нашего сая Карачик, а седобородый, с лучистым лицом, старик Гер-оглы-бобо на своем коне Гыр-Ат во главе четкого ряда сорока нукеров-богатырей скачет через наши холмы Куштепа, и след от копыта его коня огромен, как тот очаг, который с давних времен остался на месте заброшенного аула недалеко от нас...

Когда же солдат начал пересказывать приключения Раушана, я почему-то представил себе виденный не-

сколько раз большой-пребольшой базар в городе. Раушан, ища свою Зульхумор, говорил:

Ехал я мучным базаром,
Ехал я мясным базаром,
Ехал шерстяным базаром,
Ехал скобяным базаром,—
Ну, а где же базар колпачный?

И каким-то уже совсем другим голосом, с глубокой болью, передавал горе и плач несчастной с выколотыми глазами матери, лишившейся шести сыновей-батыров. Из глаз моих невольно тоже брызнули слезы, Гер-Оглы-бобо будто превратился в моего деда, которому очень хочется повидать нас, но все мешают дела, заботы. У рассказчика, кажется, и вовсе застонала душа, когда он повествовал о скитаниях внука Гер-Оглы-бобо, искавшего Раушана и настойчиво преодолевавшего неимоверные препятствия. Не знаю, может быть, и солдат вспоминал свою семью, свой дом или однополчан, где-то воюющих, лежащих в госпиталях или погибших за счастье и свободу Родины. Дядя Пулат тоже много рассказывал разных историй, но у него не получалось так красочно и сильно, так вдохновенно, как у Акмала-солдата.

Наконец, то ли он устал, то ли остановила его тяжесть воспоминаний, но только он вдруг задохнулся, смолк и сказал:

— Остальное дослушаешь завтра, Сарварджан.

Вынув большой платок, он провел им по глазам, затем, точно попав из тьмы на свет, прищурившись, посмотрел вокруг затуманенными глазами.

Заходившее солнце уже опустилось на макушку молодой акации и покачивалось, как надутый красный детский шар. Заслушавшись, я и не заметил, как пролетело время. Опираясь на трость, солдат с трудом поднялся.

— Теперь, Сарварджан, ты иди домой, отдохни. И я прилягу. Засиделись мы.— Он поправил шинель, проверил, все ли крючки застегнуты, затянулся ремнем.— Вроде бы прохладнее стало,— добавил он и поежился.

— Ветер подул холодный,— сказал я.

— Ну, пошли.

— Акмал-ака, мама просила вас прийти сегодня к нам в гости.

— В гости?

— Я пришел за вами.

Подумав, он ответил:

— Спасибо. Я бы с удовольствием пошел, но чувствую себя неважно...

Мне показалось, что это просто отговорка.

— Без вас я не уйду,— стоял я на своем.

— Об-бо, мулла Сарвар, ты еще и настойчивый, оказывается,— улыбнулся солдат.— А кто еще будет?

— Дядя Пулат, Эшмат-ака.

— Да? Тогда скорее шайтан свернет себе шею, чем я не уважу этих людей. Быть по-твоему, мулла Сарвар.

Я сбегал к дяде Пулату и арбакешу Эшмату, пригласил их, как велела мама, и, быстро управившись с домашними делами, снова пришел к солдату, чтобы повести его к себе домой. Пока я отсутствовал, он подстриг бородку, немного почистил шинель и вдруг стал выглядеть моложе.

Глава пятая

Мы уже подходили к нашему дому, когда навстречу нам, мурлыча по своему обыкновению песню, попался Тоташ-джинни. Он всегда почтительно приветствовал встречаемых, а на этот раз поспешно проскочил мимо не

поздоровавшись. Не поприветствовал он меня, наверное, потому, что рядом со мной был солдат. Насколько я знал, только двум людям не по душе было прибытие Акмала в наш кишлак. Одним из них был Иззатулла, а вторым Таташ-джинни. Почему солдат не понравился Таташу, мне было известно, а с какой стати Иззатулла возненавидел фронтовика, я не мог уразуметь.

Мы пришли. Мама, оказывается, тоже только что вернулась с работы, привела малышей сама и уже разводила в очаге огонь. Поздоровавшись с гостем, поинтересовавшись его здоровьем, она постелила на сандал скатерть. Гость же стоял у порога, смущенно смотрел на свои грязноватые ботинки и не решался пройти и сесть.

— Проходите, пожалуйста, не стесняйтесь, у нас не богатые хоромы,— пошутила мама.— Сарварджан, ты посиди, поговори с гостем, а я поставлю самовар. Скоро, наверно, придут дядя Пулат и Эшмат-ака.

Мама вышла. Гость сел на пол, разматал обмотки и снял ботинки, только после этого он прошел к сандалу, сел и оглядел нашу комнату. Особым убранством мы не могли похвалиться. Посередине комнаты — деревянная подпорка потолка. На полочку-дощечку, прибитую к столбу, поставлена лампа. Ее еще не зажгли, поэтому в доме полумрак, вещи еле различаются. В одной стене две широкие ниши, в них по сундуку, и на каждом из них лежат старенькие ватные одеяла, которые у нас называют курпа. В противоположной стене четыре ниши поменьше, они сделаны высоко. В них разная домашняя утварь. Но первое, что бросалось в глаза приходившим к нам людям,— это патефон и дутар. Их купил отец еще до войны. Он очень любил музыку, сам неплохо играл на дутаре. С тех пор, как отец ушел на фронт, дутар лежит недвижимый. Я еще не научился. О бра-

тишке и сестренке и говорить нечего. Мама бережно хранит дутар в сшитом ею чехле из красного сатина. Но патефон я иногда завожу, будто для малышей, а на самом деле очень люблю послушать музыку сам.

Наш гость как увидел дутар, так и не мог оторвать взгляда. Видно, здорово соскучился по музыке, догадался я.

— Вы играете на дутаре?— спросил я осторожно.

— Когда-то играл,— оживился он.

Я встал и подал ему дутар. Он внимательно посмотрел на меня, потом встревоженно на дверь, может, стеснялся мамы, и очень бережно вынул дутар из чехла. Оглядел его со всех сторон, погладил, постучал легонько ногтем, приложил к уху и послушал. Дерево тихонько загудело.

— Хорош,— с удовольствием признал он.— Только вот струны надо бы сменить, старенькие, изношенные.— Он начал настраивать инструмент. Когда струны зазвенели влад, гость спросил:— Ну, мулла Сарвар, что тебе сыграть? Или все равно? Ну-ка попробуем.— Он начал наигрывать незнакомую мне мелодию, и лицо его засветилось.— Отвык. Раньше лучше получалось.

Тут вошла мама. Она зажгла лампу и оглядела нас немного удивленно. Я боялся, что она посмотрит на меня неодобрительно, я ведь не спросил у нее разрешения взять папин дутар, но все обошлось благополучно. А солдат заиграл что-то веселое, бодрое. Играл он вполне прилично, не очень-то, значит, отвык. И как только раздались звуки дутара, мне показалось, что наша комната преобразилась, стала светлее и уютнее. Мама, прислонившись к стене, тоже заслушалась. Веселая мелодия постепенно затихла и внезапно перешла в другую, которую я слышал,—«Мунажат». Дутар заволновался, загрустил, и опять каким-то другим, будто печальным,

стал наш дом. Мелодия эта, видимо, каждому напоминала какие-то происшедшие в жизни события: мама, наверно, думала о папе, о проводах на фронт, о его трудной окопной боевой службе, она пригорюнилась, с тоской смотрела в окно, на глазах ее появились слезы; а гость наш вначале почему-то чуть заметно улыбался, потом улыбка с его лица исчезла, морщины на щеках и на лбу углубились, наверно, теперь он вспоминал что-то другое, невеселое, он мерно покачивался в такт музыке. Я смотрел то на маму, то на гостя и чувствовал непонятное смятение от того, что вдруг заиграл у нас папин дутар и, может быть, так же хорошо и душевно, как это было при папе. У меня часто-часто заколотилось сердце...

А гость играл одну вещь за другой, нет, видать, он нисколько не забыл свою выучку. До чего же хорошо играл...

Подошел дядя Пулат, и тут же за ним, постукивая костылями, пожаловал и Эшмат-ака. Входя, они поздоровались. Гость, приложив руку к груди, хотел было подняться для приветствия, но дядя Пулат предупредительно помахал рукой:

— Сидите, сидите! Не стесняйтесь. Будьте как дома. С благополучным прибытием вас, товарищ!

— И вам желаю благополучия,— ответил гость.— Здоровы ли вы, домулла?

— Благодарю. Не жалуюсь.

Не успели они как следует расспросить друг друга о здоровье, о делах домашних, как мама внесла шумящий самовар, постелила дастархан, подала на блюдечке несколько кусочков сахара, положила небольшую буханку хлеба. Она села за дастархан у столба и принялась разливать чай. Эшмат-ака, разрезав хлеб на тонкие кусочки, предложил гостю в первую очередь:

— Берите, пожалуйста, товарищ. Вы наш гость.

Первую пиалу чая дядя Пулат, Эшмат и гость выпили молча, может быть, еще не знали, как приступить к разговору, или не хотели сразу беспокоить солдата расспросами. Эшмат, увидев дутар, лежащий на кошме около гостя, не мог скрыть своего удивления, приподнял брови: до этого ли ему сейчас! И чтобы гость не заметил его недоумения, он оставил пиалу с недопитым чаем и приступил к разговору:

— Хош, товарищ, хотелось бы нам познакомиться с вами поближе. Тогда на арбе нам не очень-то удалось поговорить. Расскажите нам, из каких краев вы приехали, где воевали, какая судьба вас постигла.

Солдат отпил глоток горячего чая, отложил подальше от себя шапку-ушанку. Только сейчас я обратил внимание на то, что волосы его торчат клочьями, будто он только что поднялся после тифа. То ли от жара сандала, то ли от чая, очень горячего, то ли от вопросов Эшмата, только на лбу гостя выступил пот. Вынув из кармана брюк платок и вытирая им лоб, он сказал:

— Я ташкентский. Возвратился, как вы уже, наверное, знаете, из госпиталя.— Он помолчал, не решаясь еще что-то сказать. Долго глядел молча на пиалу, но чай не прихлебывал и вдруг проговорил сдавленно.— В сорок первом году меня осудили... Потом по моей просьбе послали меня на фронт. Это я рассказываю для того, чтобы после не было недоразумений и сплетен...

Дядя Пулат, желая знать подробности, спросил со свойственной ему прямоотой:

— За что же вас посадили в тюрьму?

— Оклеветали...— вздохнул гость, но смотрел он на дядю прямо, не смущаясь и не боясь.— Люди говорят: берегись пожара, потопы. Ну, а клевета, оказывается, бывает еще хуже. Человек, подвергшийся клевете, если

не получит сразу поддержку товарищей, точно в огне горит и ко дну идет.

— Это верно, тяжело,— подтвердил Эшмат-ака.

Слова арбакеша немного приободрили приунывшего было гостя. Задумавшись на мгновение, он затем вскинул голову, серьезно, пожалуй, испытующе осмотрел нас всех, наморщил лоб и сказал тоже довольно резко:

— Я работал в Ташкенте директором средней школы. Я педагог, преподавал литературу. Мой же бывший ученик оклеветал меня...

— Ученик?— недоверчиво переспросил дядя Пулат.

— Да, самый любимый ученик...— Голос гостя задрожал, но он и в таком болезненном состоянии мог сдерживать себя и поэтому продолжал рассудительно:— Какой-то мудрец сказал: «Я пригрел щенка. А когда он стал собакой, то в меня же и вцепился». Он был способный, этот мальчишка, и я уделял ему много внимания. И вот он же...— голос солдата сорвался.

— Каким образом?— теперь уже поинтересовался и Эшмат, но на гостя он смотрел теперь с недоверием.

— Чтобы вам было ясно, надо мне рассказать все сначала.— Гость сел поудобнее, сделал глоток чая. Вдохнул.— Я уже говорил вам — преподавал я литературу, а как директор интересовался всеми учениками вообще. Мальчик — назову его условно Арифом — был способный, но физически слабый и поэтому учиться ему было трудно. Жил он у дяди, а родители находились в кишлаке. Дядя не очень-то смотрел за Арифом, был занят своими делами, а я, жалея мальчика, уделял ему много времени, стал фактически его опекуном. Он хорошо окончил десятый класс, не без моей помощи поступил в университет, часто навещал меня. После окончания университета он стал преподавателем нашей школы, то-

же не без моей помощи. Я продолжал поддерживать его своими знаниями, опытом. Чтобы голова у него не закружилась от успехов, на педсоветах, случалось, как друг, я открыто говорил ему о его недостатках. И он вроде бы относился ко мне по-прежнему уважительно. Но скоро я почувствовал, что он стал меня чуждаться, меньше принимает мои советы, поступает по-своему. Однажды он пришел ко мне домой, что за последнее время случалось с ним редко. Говорили мы о разном. Разумеется, больше всего о литературе. Расспрашивал он и о том, как я живу, не тяжело ли с питанием. Конечно, было тяжело, ведь двоих детей надо было кормить, а время военное, напряженное. Я знал, что из колхоза родители Арифу кое-что привозят, но он никогда ничем не делился. Однако я не обижался. Родители его тоже не ахти сколько могли ему прислать. Долго мы беседовали, а когда он ушел, я почему-то расстроился. Не то предчувствие было какое-то, не то просто из-за экономических трудностей, о которых пришлось поговорить. Сами-то мы взрослые — терпели, а вот дети...

Все, что произошло дальше, случилось для меня так неожиданно, что я не успел и опомниться. В школе стали пропадать продукты, предназначенные для завтраков учащимся. Я решил проследить за доставкой и оформлением документов. Но меня опередили. В милицию поступило анонимное заявление, в котором меня же обвиняли в хищениях. И что меня особенно ошеломило — Ариф подтвердил подозрение. Нашелся и еще один подлый свидетель... Ну, а время, сами знаете было какое, разбираться особенно было некогда. Дальше суд... Словом...

— Посадили! — воскликнул дядя Пулат, только я не понял, возмущился он или удивился.

— Да... Ариф, как я потом узнал, стал директором,

ну, а я попросился на передовую. Кстати, мне повезло: я ни разу не отступал.

Первый раз я пошел в бой под Москвой-матушкой, и погнали мы фашистов здорово. Ранило меня уже под Калинином. Ранение было не особенно тяжелое, отлежался я и опять уехал на фронт. Теперь уже, как говорили солдаты, мы дали прикурить гитлеровцам под Курском. Но здесь меня зацепило как следует. Правда, надо сказать, что я совсем не берегся, был сам не свой. А причина в том, что еще в госпитале я получил злополучное письмо — жена моя вышла замуж за другого, уехала из Ташкента, а детей отправила не то в детский дом, не то к родственникам в кишлак. Это был для меня второй и, может быть, сильнейший удар...

После этого рассказа гостя мы долго сидели неподвижно. Казалось, пошевелись кто-нибудь из нас и на него свалится вся непомерная тяжесть, какая выпала на долю солдата. Я и не заметил, когда вышла из кибитки мама, когда вошла с двумя касами гуджи в руках, настолько я был поражен несчастьями, свалившимися на голову Акмала. Я исподтишка наблюдал за ним, когда все занялись едой. Он ел, словно проделывал какую-то особую, торжественную процедуру: жевал медленно, еду смаковал, хотя она и не была особенно-то вкусной. Доев гуджу, он вытер со лба пот и поблагодарил маму:

— Большое вам спасибо! Очень хотелось горяченького.

— Налью еще? — приветливо предложила мама, протягивая руку за касой.

— Нет, не надо, я наелся, — ответил Акмал, отдавая касу. — Еще раз большое вам спасибо!

Мама собрала все касы и унесла. Вскоре снова появился шумящий самовар. Дяде Пулату, видно, надоело

сидеть в сумерках, он снял с полки лампу и поставил на сандал. И сразу люди, сидящие за дастарханом, повеселели. Или мне только так показалось? Когда я впервые увидел солдата, лицо его выглядело не только худым, но даже каким-то для меня неприятным, а тут вдруг лицо его стало ласковым, симпатичным. И чем больше он говорил, тем больше хотелось его слушать.

— Как вы сейчас себя чувствуете?— спросил дядя Пулат.

— Да еще плоховато,— ответил Акмал,— легкие у меня пробиты. Врачи сказали, что необходимо пожить в сельской местности. Вот я и нашел здесь прекрасную местность и очень любезных людей.

— Вы детей-то нашли?

— Нет еще.

— А писали куда-нибудь?

— Пытался... Пока ничего не узнал. Вот малость поправлюсь и тогда возьмусь за поиски по-настоящему.

— Верно,— согласился дядя Пулат.— И жена, может быть, вернется...

— Не знаю...— покачал сокрушенно головой гость.— У меня сын Фархад — ровесник Сарварджану... И дочка уже подросла, наверное...

— Поправиться вам надо,— снова посоветовал дядя Пулат,— а уж потом браться за поиски. Ведь вначале самому надо основательно пристроиться, найти по силам работу.

— Работа, надеюсь, найдется. Я ведь еще не стар, на это не смотрите...— он притронулся рукой к своим седым волосам.— А особенно сейчас, когда каждая рука может принести немалую пользу...

Мама, прислонившись спиной к стене, о чем-то задумалась, наверное, о том, что пусть бы приехал папа с такими же ранениями, больной, но все равно пусть бы

приехал. По крайней мере, я так думал об этом. Эшмат почему-то гневно смотрел в окно, а дядя Пулат опустил голову.

Гость пригладил рукой волосы. Но они не подчинялись, растопыривались во все стороны.

— Вот ведь как сложна жизнь,— снова тихо заговорил он, обращаясь к дяде Пулату.— Такую «услугу» оказал мне мой ученик... Трудно проникнуть в нутро человека, особенно подлого. Почему иные не радуются успехам друзей, завидуют им, а иногда становятся врагами? Почему так, домулла-ака?

Ему никто не ответил, видно, нелегко на такие вопросы отвечать. Дядя Пулат долго не поднимал голову, потом глянул на гостя сочувственно.

— Не расстраивайтесь,— сказал он.— Увы, бывают такие негодяи. Но нет худа без добра. Только вчера вы были на грани жизни и смерти, а сегодня вот на дворе весна и вы поправляетесь. Не так ли?

— Пожалуй, вы правы. Поистрепались мои нервишки, и я стал видеть много темных пятен.

Эшмат протянул гостю пиалу с чаем. Попивая чай, Акмал, видно, успокоился и вдруг, улыбнувшись, сказал:

— Чудно! Человек странно устроен. Например, нам сны, знаете ли, иногда снятся удивительные. Однажды во сне будто вернулся в Ташкент, выскочил из поезда — и прямо в школу, в учительскую. Там ничего не изменилось, столы, стулья, шкафы остались все те же, на одном шкафу рулоны географических карт. Захожу в кабинет. В глубине его сидит на моем месте Ариф, читает газету. Он меня не заметил. Я подошел к нему, кашлянул. Оторвался он от газеты и, как увидел меня, так и обмер. «Вставай, негодяй! Пришел настоящий директор!» — говорю я ему. А он от испуга весь сжался, задрожал и шепчет: «Хоп, домляджан, хоп, хоп...» и,

ютихоньку пяясь, выскользнул из кабинета. Вбежала девушка-секретарь, та же, что была при мне, увидела меня, засияла, а через минуту кабинет наполнился давними друзьями и приятелями — и ушедшими на фронт, и уже погибшими, стариками, оставшимися в школе. Мы стали обниматься и гут я проснулся.

— Хороший сон вы видели, — определил дядя Пулат. — По-моему, вы, домля, снова вернетесь в свою школу и будет у вас друзей не меньше, чем прежде.

Эшмат-ака по характеру своему был человеком прямым, не стесняясь никого, он иногда любил рубануть с плеча. Не сдержался он и на этот раз. Долго не принимал участия в разговоре, хмурился, поглядывал на собеседников и вдруг жестко спросил:

— Судя по вашим словам, дорогой гость, у вас было немало друзей и приятелей. А когда вас судили, куда же они попрятались?

— Плохой друг все равно, что тень: в солнечный день от нее не убежишь, а в облачный — не сыщешь, — за гостя ответил пословицей дядя Пулат.

Акмал отрицательно покачал головой.

— Вы верно сказали, домулла, про плохих друзей. Но у меня было много хороших, только все они к тому времени ушли на фронт. Да и время, вы сами знаете, было не такое, чтобы долго разбираться и детально. Кроме того подлецы действовали хитро, так все подстроили, что вина моя была как будто очевидной. Да и то сказать, вина-то моя все же была — ротозейство. Ведь за моей спиной действовали воры, а я не разглядел. А дети недоедали... — Он задумался, опять провел рукой по своим белым волосам. Потом добавил: — А слова ваши, домулла, насчет плохих друзей — очень верные.

— Это не мои слова, домля, их сказал казахский писатель Абай.

— Острые слова,— сказал гость.— Сколько умных мыслей на свете... Запомнишь — боль утоляется. Возьмите слова Навои: «Друзьям, тайно иглы вонзающим, предпочтительнее враг, открыто пику вонзающий». Как метко!

Они стали говорить про мудрость писателей и ученых, вспоминали поэтов многих народов, вспоминали такие имена, которые я никогда и не слышал...

И вдруг с грохотом отворилась дверь, в кибитку вошел Иззатулла. Перешагнув через порог, он остановился и оглядел нас всех по очереди. Все были удивлены его вторжением. Он, наверное, тоже не меньше удивился, увидев у нас солдата и дядю с Эшматом за чаепитием.

А мне было всегда интересно наблюдать за черными закрученными усами Иззатуллы, похожими на рога винторогого козла, и сейчас я их разглядывал внимательно, не обращал внимания на его сердитые, глубоко запавшие блеклые глаза. На голове его как всегда была каракулевая ушанка, он был в военном кителе с боковыми и нагрудными карманами и в брюках-галифе. Стоял он, широко расставив ноги, переводя взгляд с одного на другого,— мама сидела у самовара, Акмал-ака у окна за сандалом, напротив — дядя Пулат, на месте, считающемся почетным, Эшмат-ака против него, а ближе к порогу прилепился я. Около гостя, на войлоке, лежал дутар. Вроде праздничная обстановка.

По-моему все это Иззатулле показалось подозрительным, потому что, взглянув в его злое лицо, я даже испугался. Я закрыл глаза и бухгалтер неожиданно предстал передо мной черным рогатым козлом, готовым меня боднуть. Испугавшись, я скорее открыл глаза, и козел сразу снова превратился в Иззатуллу. А он улыбнулся ехидно и сказал с иронией, растягивая слова:

— Ого, все в сборе. Приятного вечера честной компании!..

— И вам, Иззатулла-ака,— скромно ответила мама.

— Я послал вам мешок зерна, солдат,— сказал он Акмалу, насупив брови.— Посланец не нашел вас...

— Меня позвали в гости...— словно оправдываясь, сказал Акмал.— Давно я не сидел у домашнего очага.

— Возможно. Но мы не должны вас искать!— сердито выговорил солдату Иззатулла.— Не так ли?— И он вышел, хлопнув дверью.

Мы замерли.

Все мы смотрели на дверь, словно там все еще стоял наш бухгалтер. Он вообще слыл грубым человеком, но такого нахальства даже от него не ожидали.

— Ну и негодяй!— прямо определил Эшмат.

Но Акмал поднялся, даже чуть-чуть улыбнулся, видно, он не обиделся, надел шапку и тогда задал странный вопрос:

— Эшмат-ака, кем приходится вашему бухгалтеру этот молодой человек в очках, что встречал нас у управления колхоза?

— Хасан-очки? Да это его сын.

— Ага, понятно,— посерьезнев, сказал Акмал и закашлялся. Справившись с кашлем, он вытер губы платком, прижал руку к груди:— Спасибо вам за угощение, за теплые слова. А я пойду все же, продукты получу.

Когда Акмал ушел, старшие молча переглянулись. Никто и не предполагал тогда, что Хасан-очки имел к данному событию самое близкое отношение.

Глава шестая

Дядя Пулат и Эшмат-ака тоже вскоре ушли, мама уложила нас в постель, а сама еще долго возилась, хо-

дила, делала что-то, но, должно быть, мысли ее были заняты чем-то своим, тяжелым. И вдруг, прислонившись к столбу, она застыла, руки ее обвисли, она закрыла глаза и бледность разлилась по ее лицу. Я поднял голову.

— Мама, что с тобой? Почему ты не ложишься?— спросил я.

Она вздрогнула. С трудом подняла веки, пошевелила руками и, видимо, пересилив усталость, спросила:

— Ты не спишь, сынок?

Она подошла ко мне, поправила одеяло и, наверное, только сейчас решившись, быстро подошла к сундуку, сбросила с него одеяла и другие вещи на войлок. Вложила ключ в замок и со звоном открыла его.

Приподняв крышку, она отодвинула в сторону отцовский халат и вытащила еще совсем крепкие валенки. Я сразу их узнал — это были папины валенки.

— Сарварджан,— тихо позвала мама, постояла немного, разглядывая валенки, потом поставила их на пол и со вздохом сказала:

— Если наш папа вернется здоровым, обувь мы ему найдем. Ты эти валенки отнеси завтра Акмалу-ака. Хоть и весна уже, а на дворе холодно. Больному человеку тепло нужно.

«Мама моя!»— хотелось крикнуть мне, но крикнуть я постеснялся, только вскочил и крепко ее обнял.

— Хорошо, аяджан. Отнесу обязательно.

Мама поставила валенки у входа. Наказав мне завтра отвести к бабушке сестренку и братишку, выполнить школьные домашние задания, привести в порядок комнату и двор, она тоже легла спать.

Сегодня у меня выходной день. Мама ушла на работу в поле, а я немножко попозднее разбудил сестренку Халиму и братишку Тимура. Они не любят рано вставать, капризничают, приходится их уговаривать или

даже прикрикнуть. Я с ними строг, и они меня слушаются, не то что маму. Покормил я их и отвел к старушке, а сам вначале приготовил корове корм, подмел двор, прибрал в доме. Заглянул в учебники. А к полудню, зажав валенки под мышками, я отправился на окраину кишлака. День был облачный, над землей стлался негустой туман. Погода вроде не очень холодная, но почему-то в такое время пробирает неприятная дрожь.

Разглядывая в тумане словно бы плавающие деревья, я и не заметил, как подошел к заросшему двору, к старой полуразрушенной кибитке, которую давно надо было сломать. Подошел к пролому в глиняном заборе и думаю: «Сейчас войду в кибитку, встречу с солдатом, отдам ему валенки. И обрадуется же он!» Потом вспомнил, что он любит греться на солнце, перешел на другую сторону двора, и к своему удивлению, не увидел солдата на том месте, где он обычно сидел. «Холодно, поэтому, наверное, забрался в уголок и полеживает там»,— решил я и крикнул:

— Акмал-ака!

Никто не отозвался. Я вошел в кибитку. Смотрю, на соломе лежит Таташ-джинни. Увидев меня, он заулыбался.

— Где Акмал-ака?— спросил я.

— Хо-о, ушел, ушел,— залепетал он радостно, потряхивая кудлатой, давно не стриженной головой.

— Куда ушел? Сам ушел?

— Ушел, ушел. Хо-о-о...— только и повторял он и все улыбался, словно встретил закадычного друга и не нарадуется. От Таташа-джинни, конечно, ничего не узнаешь. Он снова обрел свое убежище и рад до смерти.

Обескураженный, я вышел на улицу. Огляделся. Вокруг никого. Понуриясь, я направился к своему дому, но

за поворотом повстречал Агзама. Увидев зажатые у меня под мышками валенки, он очень удивился — ведь вокруг была грязь.

— Не твои ли это валенки?— засмеялся он.— И не носить ли ты их собираешься?

— Нет,— сказал я сердито.— Валенки папины.

— А куда ты их несешь?

— Акмалу-солдату хочу отдать.

Агзам подбоченился.

— Хе, Акмал-ака давно у нас. Еще вчера вечером Эшмат-ака с папой привели его.— И вид у дружка моего был такой гордый — вот, мол, как надо действовать,— что я испытал странное чувство: с одной стороны, позавидовал Агзаму, у которого находился теперь солдат, с другой стороны, обрадовался тому, что человек находится теперь в уютном месте, в тепле.

— Ну, я побежал, у меня срочное поручение,— сказал Агзам и, улыбнувшись горделиво, припустился дальше. Я же, направляясь к дяде, подумал: «Привел, наверное, к себе после вчерашнего столкновения с Иззатуллой».

Когда я пришел к дяде Пулату, он сидел во дворике и беседовал с солдатом. Сперва я даже не узнал Акмала. Изменился он здорово: на нем была фуфайка, пусть и не новая, но чистая, на голове тубетейка дяди Пулата, на ногах шерстяные носки. И вообще он выглядел здоровее прежнего. Он встретил меня с улыбкой.

— Здорово, Сарварджан!

— Здравствуйте!— ответил я, смутившись оттого, что не поздоровался первым.

— Здравствуй, племянник!— поприветствовал меня и дядя Пулат.— У тебя валенки? Зачем ты их принес?

— Мама дала. Она сказала, чтобы я отнес их дяде Акмалу.

Дядя Пулат встал и взял у меня валенки. Вижу, глаза у солдата засветились. Дядя Пулат подошел к нему и положил валенки у его ног.

— Примерьте-ка, домля. Надевайте прямо на носки.

Солдат сперва надел валенок на правую ногу, улыбнулся. Затем надел другой валенок на левую ногу и встал. Потопал и сказал:

— Спасибо, Сарварджан! Передай своей маме огромное спасибо и пожелай от моего имени хорошего здоровья.

— Ну, точно для вас делали!— с восхищением определил дядя Пулат.

— И вам спасибо, домля,— прижал руку к груди солдат.

Я был очень рад. Радовались все. А солдат настолько повеселел, что мне даже показалось — морщинки на лице немного разгладились.

— Очень тепло ногам,— проговорил он растроганно,— жаль только, ходить в них можно лишь в доме... На улицу не выйдешь...

— Ничего не поделаешь, домля, такие у нас места, почва такая,— согласился дядя Пулат,— как пойдет дождь, сразу же и на улицах, и на поле образуется желтая жижа. Ну, а там, где грязь, непременно отыщутся одна-две жабы... Родится плесень...— Он многозначительно посмотрел на солдата.— Но вы не огорчайтесь, скоро будет так жарко и сухо, что дождик ли, ручеек ли — благодатью считать станем.

При словах его: «Там, где грязь, непременно отыщутся одна-две жабы, родится плесень»—Акмал тихонько засмеялся. Улыбаясь или смеясь, он менялся в лице, становился симпатичным и, пожалуй, энергичным.

— Зачем же мне огорчаться, домулла?— сказал Акмал.— Ведь в злобных словах обычно правды не быва-

ет... А жаба... Она при всем при том ведь тоже полезное существо...

Они думали, что я маленький, ничего не разумею. Я же прекрасно понимал, о ком идет речь. Дядю Пулата удивили последние слова солдата. Я полагаю, он думал так: «Чудно! Иззатулла только вчера оскорбил человека, и вот он сегодня говорит: «Жаба тоже полезное существо», защищает его». Дядя Пулат нехотя согласился с Акмалом и, уже не считаясь с моим присутствием, сказал прямо:

— Может, и был он раньше человеком. Даже кипяток, говорят, не забывает о том, что когда-то был холодной водой. Этот же, как стал начальником, забыл, что вокруг него люди.

— Не стоит особенно-то огорчаться, домулла. Вернутся наши джигиты, и он исправится... Заставят исправиться...

— Когда боднет дойная корова, то не очень больно, домля, а когда яловая, как эта... Надо же!.. — возмущенно закончил дядя Пулат. — И опять взмахнул рукой. — Надо же: прислал пять килограммов зерна, а расписаться приказал за мешок!.. Да за такие дела!.. Вот, погодите, узнает наш председатель...

— А когда он прибудет? — спросил Акмал, видно, желая переменить тему разговора.

— Возможно, в ближайшие дни. Здоровье его, говорят, улучшилось. Да и работа на полях пошла полным ходом. Он непременно придет, вот тогда и Иззатулла поубавит прыти.

Каждый может понять, с каким интересом я слушал разговор взрослых и, по совести говоря, все время боялся, что меня прогонят. Но они про меня, видно, забыли.

Туман уже давно рассеялся, облака на небе поре-

дели. Солнце то выглядывало из-за облаков, то исчезало, и по улице, по домам проплывали огромные лохматые тени. А легкий ветерок был теплый и приятный.

Акмал долго, задумчиво смотрел на небо, в его темных глазах грусть перемежалась с радостью, а лицо оставалось печальным. В такие минуты мне думалось, что он вспоминал своего Фархада. И вдруг он сказал:

— Может, Сарварджан поводит меня по полям?

— А не устанете, домля?— спросил дядя Пулат озабоченно.— Не лучше ли вам отдохнуть сегодня?

— Столько дней я отдыхаю, что от безделья, пожалуй, устал.

— Вам виднее, домля.

— Погуляем по полям, Сарварджан?

— Погуляем,— обрадовался я.— По дому я все сделал, что мама велела.

— В таком случае, Сарвар, выводи из сарая ишака, оседлай его для нашего воина,— велел мне дядя Пулат.— Агзама я отправил по делу, и что-то он запаздывает. Как вернется, и я двинусь вслед за вами.

— Как прекрасно!— сказал Акмал.

Акмал-солдат едет на ишаке вдоль берега Карсак-сая. Я иду рядом. Весеннее солнце хорошо греет землю, золотит крыши кибиток, зеленые побеги ранней травы. Вдали переливается серебряное море, оно словно исчеркано длинными ветками тутовника. Акмал отпустил повод, предоставил ишаку свободу. Седок о чем-то задумался, а ишак то и дело сходит с тропинки, жует на ходу травку, двигается лениво, ему, конечно, хочется попасть. Обочины дороги подсохли, идти нам легко. Мне все хочется расспросить Акмала о войне, как он воевал, получил ли орден или медаль, но никак не

выберу подходящего момента, боюсь утомить раненого солдата. Может, сам как-нибудь расскажет. А он молчит и молчит.

Движемся мы очень медленно, и мне становится скучно. Я то и дело пускаюсь вдогонку за порхающими бабочками. Акмал улыбается.

Когда мы отъехали от кишлака довольно далеко, перед нами распахнулись во всей своей красе поля, серебряный поясok Карсаксая, обрамленный островками зеленой травки. На большом поле взмахивали кетменями женщины. Ребята чуть постарше меня сидели верхом на конях, тянувших за собой плуги. Откуда-то слышалась песня:

На том берегу реки тополя,
Я с тоскующей душой смотрю туда,
Хотела бы написать, но не могу,
Хотела бы поклониться любимому — стыжусь...

На том берегу реки пасется стадо коров. Вот и Супабек стоит, опершись о свой посох. Он опытный пастух, уже много лет пасет скот колхозников, и всегда у него полный порядок.

Запахи весны кружат голову. Акмал жадно вдыхает свежий чистый воздух, покашливает тихонько. С тех пор, как мы выехали из кишлака, он не проронил ни слова, видно, обуяли его запахи сырой земли, прелесть ровных хлопковых полей, красивые извилины Карсаксая.

Я спросил его, пристраиваясь рядом:

— Мы куда поедем, дядя Акмал?

Акмал с ответом помедлил. То ли он к работающим женщинам подойти стеснялся, то ли не хотел отвлекать их от работы. Помолчав, он посмотрел на стадо и сказал:

— Поедем к Супабеку.

По берегу Карсаксая мы ехали довольно долго, пока не перебрались через мост и не свернули в сторону пашегаю вдали стада. После того, как мы проехали мост, Акмал слез с ишака. Спутав животному ноги, я пустил его пастись, а мы пешочком зашагали по проселочной дороге. Акмал уже был наслышан про хорошего старика пастуха Супабек и от меня, и от Эшмата. Но знаком пока с ним не был.

Супабек был, по-моему, очень интересный человек. Поговоришь с ним разок, потом так и тянет к нему. Он казах, но так как вырос среди узбеков, то хорошо говорит и на узбекском языке, и не ползет в карман за острым словцом.

— Здравствуйте, здравствуйте,— приветливо встретил Супабек.— Пожалуйста, пожалуйста, дорогие гости!

— Не уставать вам. Здравствуйте!— поздоровался Акмал, приложив руку к груди.— Как поживаете, как ваше здоровье, отец?

— Благодарим, дорогой гость, благодарим.— Супабек с интересом оглядел Акмала. Затем перевел взгляд на меня.— Значит, гостя привел, сынок? Спасибо, спасибо. Только вот жарко уже. А поправляетесь ли вы, дорогой гость?

— Поправляюсь. Хорошие люди быстро вылечивают,— ответил Акмал, покашливая.

Поздоровавшись, спросив о здоровье, Супабек посчитал первый разговор законченным, пригласил нас пройти к берегу реки, зашагал впереди, мы направились следом. Шерстяной чекмень Супабек перепоясан ремнем, на голове его казахский тельпах — круглая шапка, отороченная мехом. Сапоги, поцарапанные колючкой и сухой травой, побелели, на них было несколько заплаток, пришитых умелой рукой. Шагал он слегка согнувшись, но споро и легко. Когда мы дошли до большого

ветвистого куста тамариска, пастух присел под ним в тень и пригласил нас сесть на траву. Мы не отказались. По всему было видно, что Супабек давно избрал это прохладное и удобное место для отдыха, может, и обещал здесь ежедневно. Из-под куста он извлек свои переметные сумы, положил рядом с собой. Потом провел ладонью по щеке, прошептал что-то и вытер рукавом лицо.

— Сегодня жарко,— повторил он и обратился к Акмалу:— Значит, решили прогуляться, дорогой гость? Похвально. Весной в поле душа блаженствует. Мне Эшмат вчера рассказал про вас. Таковы, выходит, дела наши...

Я не понял Супабека,— утешал ли он или просто приветствовал, как полагается, гостя. И Акмал, может быть, тоже не совсем понимал речь пастуха, но вроде бы соглашался, слушал с одобрением, только изредка взглядывал на меня и едва заметно улыбался.

Высказав предложение о наступлении на днях еще большей жары, но сказав, что для хлопчатника такая погода очень хороша, Супабек потянул к себе суму и вытащил из нее деревянную чашу и лепешку, завернутые в чистый платок. Постелив платок, он разломил лепешку, развязал горлышко хурджуна. Акмалу, как городскому жителю, все это, наверное, было интересно, он наблюдал за действиями старика с нескрываемым любопытством. Налив половину чаши айрана — разведенного кислого молока, пастух протянул ее Акмалу, который, слегка удивившись, некоторое время держал чашу в руках и разглядывал белую густоватую жидкость.

— Пейте, гость, пейте. Айран холодненький.

Вечером, после возвращения стада, дети пастуха обязательно обходят дома и собирают ошхалол — особую плату натурой. Каждый дает что может: кто гуджу, а

кто айран или лепешку. Хлеб кладут в отдельный мешочек, а жидкость наливают в большую тыквяную посудину.

Акмал выпил айран с охотой, от удовольствия даже зажмурил глаза. Я про себя над ним посмеивался — ствык, наверное, на фронте от такой пищи и теперь радуется.

— До чего вкусный,— похвалил гость.— Спасибо, отец.

— Чабан без айрана не чабан, дорогой гость,— философски произнес Супабек и сам выпил добрую порцию айрана. Потом пригласил:— Пожалуйста, ешьте лепешку.

Полчашки айрана выпил и я и убежал к сыну пастуха Марджанбеку, присматривающему за стадом. Когда я подошел, он тупым перочинным ножом-самodelкой обстругивал таловый прут, пытаюсь сделать себе посох такой же, как у отца,— гладкий, с красивыми узорами. Мы с ним долго ходили за стадом, а когда я вернулся к кусту тамариска, Акмал и Супабек все еще беседовали и общались теперь друг с другом, как старые добрые друзья. Акмал изредка задавал вопросы, пастух обстоятельно отвечал на них. Подойдя, я услышал, как Акмал спросил:

— А вам сколько лет, отец?

— Уже семьдесят стукнуло. Года бегут, как молодые жеребята.— Он начал подниматься и закричал.— Уй-бой! Спина проклятая... В шестьдесят лет не вскочишь на коня, в семьдесят без опоры не встанешь. Верно сказано. Теперь вы, дорогой гость, отдохните тут в тенечке, поговорите с Сарваром. А я схожу к Марджанбеку, он ведь мальчик, «чабан — от стада убегающий».

Супабек вскинул посох на плечо и, слегка пригибаясь, направился к стаду.

Мы остались с Акмалом. Вокруг тишина. Лишь изредка в небесной синеве, трепыхая крылышками, точно жалуясь на что-то, поют жаворонки да восторженно стрекочут кузнечики. Акмал лежал вверх лицом, положив голову на охапку травы, глядел в небо широко открытыми глазами. Я сидел рядом, разглядывал спешащих вереницей тружеников муравьев.

— Сарварджан,— позвал меня Акмал.

— Я вас слушаю,— по-солдатски отозвался я немедленно.

— Скажи-ка, о чем ты сейчас думал?

— Так, ни о чем... А что?

— Мне пришла в голову хорошая мысль, мулла Сарвар.— Акмал приподнялся и пододвинулся ко мне.— Теперь на поле мы будем приходить с бумагой и карандашом. Я стану кое-что говорить тебе, а ты мои слова записывать. Я бы и сам записывал, да руки у меня еще сильно дрожат после контузии. Если что и напишу, то никто не разберет. Только о нашей затее не говори ни слова. Согласен?

— Ладно,— ответил я.— Но у меня же уроки.

— Так мы будем приходить в свободное время. Ладно?

— Хорошо,— еще раз согласился я, откровенно говоря, не видя в этом деле ничего особенного и необходимого. Но коли просит солдат, отказать в просьбе я не мог.

Акмал снова лег и улыбнулся.

— С этого дня ты не мулла Сарвар, а мирзо Сарвар, то есть самый настоящий писарь.— Он взял травинку в рот, как делаю и я иногда, погрыз ее и сказал:— А хороший старик Супабек-ота, душевный человек...

Я приподнялся, взглянул в ту сторону, где паслось

стадо. Супабек разговаривал с каким-то конным. У старика интересная привычка: увидит вдали прохожего, подзовет его и начнет расспрашивать — откуда идет, куда, зачем, кто он. Определенно, он и сейчас учинял допрос проезжему человеку. Но вот он, попрощавшись с всадником, зашагал к нам.

— Идет,— сказал я.

Акмал приподнялся, сел. Супабек подошел к нам улыбающийся, сияющий приветливостью.

— Не заскучили, дорогой гость?— Он погладил бородку.— Побеседовал малость с мальчиком, который поехал в город. Скоро наш аксакал прибудет. Очень хорошо! Мальчик повел ему коня.

Старик присел в тень куста, большим платком, наверное, с головы старухи, вытер пот с лица и шеи.

— Стадо баранов во главе со львом гораздо умнее, чем стадо львов во главе с бараном!— проговорил он так, между прочим.

Акмал улыбнулся и подмигнул мне. «Мирзо Сарвар, была бы сейчас у нас тетрадь, живо записали бы эти слова»,— так я понял его улыбку. Супабек же, восприняв улыбку солдата по-своему, видимо, счел нужным разъяснить свою поговорку:

— Конечно, Изаттулла не баран, а Султан-аксакал, пожалуй, не лев, но в присказке есть доля правды. Во всяком случае, очень хорошо, что возвращается председатель. Увидите, дорогой гость, теперь ваше положение поправится.

По всему было видно, что Акмал очень доволен сегодняшней нашей прогулкой, и я был за него рад. Мы хотели уже отправиться в кишлак, но Супабек упросил Акмала остаться до обеда. Я ушел — в доме еще были дела. А Супабек и Акмал вечером пригнали стадо вместе.

Глава седьмая

Как-то после уроков, управившись с домашними делами, я пришел к Агзаму. Акмал и дядя Пулат сидели и беседовали за низеньким столом.

— Здравствуй, мирзо Сарвар!— ответил на мое приветствие весело Акмал.

Знаками я дал понять Акмалу, что принес тетрадь. «После»,— одними губами проговорил он мне.

И тут в дом вошел Султан-бобо. Приветствие он произнес задорно, не по-стариковски, хотя и голова и борода у него были совсем седые, а лицо в многочисленных морщинах и очень бледное. Видно, болезнь тряхнула его не на шутку. На нем был полосатый узбекский халат, уже выдавший виды, но сапоги хромовые и новые. Дядя Пулат и Султан-бобо обнялись.

— Как вы тут поживаете? Как чувствует себя дорогой гость?— сразу приступил к расспросам председатель колхоза.

— Спасибо, живу неплохо, —не стал жаловаться Акмал.

— А вы подлечились немного?— спросил дядя Пулат, озабоченно оглядывая старика. Садясь, он определил радостно:— Сейчас вы гораздо лучше выглядите, аксакал. Дай бог здоровья докторам.

— Премного преуспели, брат, наши доктора в науках. Но больных все много. Большинство раненые.

— Да, много раненых...— вздохнул дядя.— А что там говорят о конце войны, аксакал?

— Что могут говорить? Сами знаете, брат, что в газетах написано. Уже в логово фашистов наши пришли. Штурмуют наши на всех фронтах. Вчера из Чимкента поехал я в район, зашел в райком партии. И там говорят о том же: час победы приближается, но как скоро

он настанет, зависит от нас с вами тоже, от тех, что трудятся в тылу. Поезжайте скорее в Каркарали, скажите мне, засучите рукава и — за дело. Сегодня в полдень прибыл и еще не присел. Много дел у нас...

Тетя принесла кипящий самовар, старенький, с вмятым боком. Выложила на стол четыре кукурузные лепешки, пять кусочков сахара. Откуда она взяла сахар — никто не знал. Только все удивились. Поручив мне разливать чай, тетя вышла из дома по каким-то своим делам. Сперва я подал пиалу с чаем Султану-бобо, затем Акмалу. Порядок я давно знаю.

Отпив несколько глотков чая, Султан-бобо сказал Акмалу:

— Не огорчайтесь, дорогой гость. Я ведь знаю уже обо всем, — он потер висок, видно, у него побаливала голова. — Что тут было, я слышал от Эшмата и, сказать правду, расстроился даже.

Акмал почему-то смутился.

— Расстраиваться-то особенно не из-за чего, — сказал он.

— Ладно, что было — былшем поросло, — решительно заявил Султан-бобо, а взглянув на дядю Пулата словно с упреком, продолжал: — Изаттуллабай, кажется, наруководил тут. Отсеялись поздно, всхожесть, я видел, неважная. Сейчас самое время поливать пшеницу, но никто и пальцем не пошевелил. Арыки не очищены. Спрашиваю: в чем дело? «Люди виноваты, ленятся», — отвечает Изатулла.

Султан-бобо сердито оглядел присутствующих, нахмурился еще больше, от переносицы поперек лба у него прорезалась глубокая морщина, а глаза по-прежнему были внимательными и незлыми.

— Разве людей понуканиями заставишь хорошо работать? Люди жаждут доброго слова. Боль у них...

— Верно,— подтвердил дядя Пулат.

— Люди у нас удивительные,— вставил слово Акмал.

Султан-бобо с недоумением глянул на солдата: откуда, мол, ему известно, какие у нас люди.

— Сегодня наш гость побывал на полях,— пояснил дядя Пулат.

— Очень хорошо.— Лицо Султана-бобо посветлело.— Полчаса назад мы в правлении совещались. Завтра все хоть немного пригодные к работе выйдут в поле. Так мы решили. Иначе нельзя. Надо немедленно очистить арыки от чали. Ничего не поделаешь, придется повозиться в воде. Иначе не сможем поливать. И к тебе есть просьба, Пулат-ака: выдели-ка подростков покрепче, вроде Сарвара и Агзама, на полевые работы. Без них совсем туго придется нам. Что скажешь на это, парторг?

— Надо помочь,— ответил дядя Пулат.

— Очень прошу. Никак не обойтись без ребят. Пусть помогают — такое время.

— Завтра утром решим, аксакал, не сомневайтесь.

— Очень хорошо Ну, будьте здоровы.

Председатель поднялся из-за стола. Акмал, глядя на дядю Пулата, приложил руку к груди и наклонил голову, и тот, улыбнувшись, сказал:

— Аксакал, гость просит дать и ему какое-нибудь дело, хочет и он помочь посильно.

— Отлично!— обрадовался председатель.— Вы человек образованный, дорогой гость, я попрошу вас устроить в перерыве читку газет.

— Это я могу,— согласился Акмал.— Но мне хотелось бы делать что-то еще...

— Не волнуйтесь, будет вам еще работа,— улыбнул-

ся председатель.— Если чувствуете себя в силах, возглавьте бригаду по очистке арыков.

— Вот как здорово вы встречаете дорогих гостей, дорогой председатель...— шутливо упрекнул Султанабобо дядя Пулат.

Все засмеялись.

— Уж вы, братишка-гость, не обижайтесь,— попросил председатель, перестав смеяться.— Сейчас не до торжественных встреч. А ваша помощь, пусть даже с пуговичку, будет для нас величиной с верблюда. Да и притом, когда находишься среди людей, вроде забываешь о своих болях. По себе знаю.

— Верно, председатель.

— Хоп, договорились. Теперь разрешите мне идти, сегодня нужно еще кое-где побывать.

Дядя Пулат и Акмал пошли провожать председателя, а мы с Агзамом остались в доме вдвоем.

— Теперь и мы выйдем на чали,— обрадовался Агзам.

— Раздолье!— воскликнул я.

Откровенно говоря, и учиться-то нам уже не очень хотелось — на дворе весна, и улица такая привлекательная... Мы с Агзамом стали толкать друг друга плечами — просто так, чтобы дать выход своему восторгу.

В дом вошли, покашливая, Акмал и дядя Пулат, и мы сейчас же перестали бороться, но дядя Пулат сказал:

— Ну и петухи! Не пора ли вам расходиться?

Я нетерпеливо посмотрел на Акмала — в руках у меня была тетрадка. Он меня понял, кивнул и вышел. Вслед за ним выскочил и я, выскочил торопливо, чтобы Агзам не привязался с расспросами. Мы остановились у калитки и Акмал вытащил из кармана сложенную вдвое ученическую тетрадь и протянул мне со словами:

— Перепиши, Сарвар, в свою тетрадь все, что тут написано. Латинские буквы хоть немного знаешь?

— Знаю.

— Прекрасно. Страницы, какие надо переписать, я загнул. Надеюсь, эта переписка урокам не мешает?

— Нет,— категорически заявил я.

— Прекрасно,— повторил он это слово и, как взрослому, пожал руку.— До свидания, Сарвар.

— До свидания,— попрощался и я и, как некое сокровище, сунул тетрадь за пазуху.

Вечером я уселся за сандал и начал перелистывать тетрадь Акмала. Страниц пять из нее были вырваны. Остальные исписаны вкривь и вкось — видимо, рука у солдата еще не окрепла. И все же, хотя и с трудом, но слова разобрать можно было. Четыре листа были загнуты. Их я и должен был переписать. Но читать я начал сначала.

Это были впечатления солдата о нашем кишлаке, о его людях, обо всем, что он увидел и передумал. Сквозь все эти записи проходила одна главная мысль: такой народ фашистам никогда не победить.

И еще — в каждой строчке чувствовалась тоска по своей семье, по детям.

Некоторое время я сидел тихо, задумавшись. Потом спохватился и быстренько переписал в новую тетрадь текст, написанный на загнутых листах. Потом увидел еще одну запись.

«14 апреля. Понравился мне пастух Супабек-ота. Замечательный старик. Мысли его мудры, полны смысла и простоты, подобно жизни».

Ночью я долго не мог заснуть, передо мной то поглаживал бородку Супабек, то улыбался Акмал, то шурился Хасан-очки, шурился хитро, с насмешкой, и мне очень хотелось разбить его очки.

Глава восьмая

Возвратившись из школы, я выпил молока и лег на кошму около сандала. Надо же немного отдохнуть... И настроение прекрасное — можно помечтать. Сегодня в наш класс вместе с учительницей вошел мой дядя Пулат и сказал, что на полях стало дел невпроворот, людей не хватает, поэтому необходимо послать на работу подростков покрепче и успевающих в учебе.

— Посоветовавшись с учителями, ребята,— продолжал дядя,— мы решили пока освободить от учебы и послать на работу таких учеников: Разика, Абдунаби, Сарвара, Агзама, Сагиндика и Рузи. К работе они должны приступить завтра.

Сказав это, дядя Пулат ушел, а в классе поднялся невообразимый шум.

— А почему меня не записали? Я же исправил двойку по математике!— громче всех кричал самый маленький ростом и худющий Ибрагим.

— Куда тебе,— махали руками ребята,— еще переломисься.

— Тише, ребята, тише!— успокаивала нас учительница.

Но мальчишки ее не слушали. Да и девчонки остались недовольными, сердито переговаривались:

— А мы что? Хуже ребят, что ли? Некоторые из нас лучше работать будут.

Все ребята, которых назвали, были очень довольны. И я тоже. Теперь я без всяких оговорок джигит, успевающий, примерный ученик. Да еще буду работать вместе с Агзамом под руководством солдата Акмала. Он уже сегодня, я слышал, возглавил бригаду по очистке арыков. Значит, работа уже началась. Не пойти ли мне туда?

Я вскочил, быстренько приготовил корм корове, почистил в стойле, подмел во дворе. Натаскал воды, заполнил все посудины. Затем, сунув за пазуху дневник Акмала, отправился к Агзаму.

Мы повстречались по дороге.

— Ты куда?— спросил я.

— На поле,— ответил Агзам.

— И я на поле.

И мы захохотали.

— Как ты думаешь, Агзам,— спросил я, перестав смеяться,— мы считаемся мобилизованными?

— Конечно. Мы солдаты трудового фронта!— воскликнул Агзам.

— Пошли, возьмем кетмени,— предложил я.

— Побежали,— тут же согласился Агзам.

Мы сбегали ко мне домой, взяли два кетменя и направились в поле. Идем по тропинке. Небо сероватое, на нем столпились кучи облаков, и белесых и, темно-кудрявых. Дует легкий ветерок. Прохладно. Высоко-высоко распластала крылья какая-то могучая птица — не то орел, не то коршун. Как он может оттуда рассмотреть добычу?

— Слушай, Агзам,— говорю я,— как ты думаешь, есть в мире кишлак красивее нашего Каркарали?

— Нет,— сразу отвечает он.— Речка у нас во!— он показал большой палец.— Дыни у нас во!

— А люди тоже хорошие,— подхватил я.— Например, твой папа, мудрый старик Супабек-бобо, Эшмат-ака...

— Только Хасан-очки никуда не годится,— возразил Агзам.— Да и отец его совсем зазнался.

— Правильно,— согласился я,— но их совсем мало, хороших людей гораздо больше.

Мы задрали головы — над нами пролетела стая ди-

ких уток. И мне почему-то захотелось тоже полететь — бывает, нахлынет на меня какое-то странное желание и я от него никак не могу отделаться.

Спрашиваю я Агзама:

— Ты хотел бы быть птицей?

Он подумал и ответил:

— Только орлом.

— А воробьем?

— Фи! Чик-чирик, чик-чирик!..

Мы опять захохотали.

Уже на том берегу реки мы увидели стадо и старика Супабека, а за небольшим холмом показались работающие колхозники.

— Знаешь, Сарвар, — сказал Агзам, — мой папа тоже хочет после занятий в школе в поле прийти.

— А чего он будет делать одной рукой?

— И я об этом ему сказал. Но он говорит, что хоть кетмени точить будет.

Я забыл сказать, что у дяди Пулата одна рука давно была перебита и срослась неправильно, и ею он работать не может.

Разговаривая и смеясь, мы и не заметили, как пришли на место работы. Большинство тут были женщины и девушки, только поодаль группа джигитов, возглавляемая сыном Супабека Джумабеком, копала арык. Около них, воткнутое древком в земляной вал, полоскалось на ветру небольшое красное знамя. Это переходящее знамя, ребята завоевали его. Почти все они окончили семилетку в нашей школе, некоторые попытались учиться в городе, но вернулись — жить там было очень трудно — и все стали работать в колхозе. Их называли допризывниками или крылатыми потому, что они уже прошли двухмесячную военную подготовку. Среди них особенно выделялись Акбар и Джумабек. Акбар сла-

вился как непревзойденный остряк, его даже называли Акбаром-шайтаном. А его закадычный друг Джумабек был, напротив, молчаливый, физически сильный парень. Наверное, сам отец послал его на копку арыков.

Невдалеке, тихонько покашливая, прохаживался Акмал. Он с улыбкой посматривал на Таташа-джинни, опустившегося на колени и пьющего воду из глиняной посуды. Рядом с ним лежал кетмень, значит, и тот пришел работать. Вообще-то, физически он очень сильный, только недоразвитый умственно.

На травянистой полянке, где были разбросаны ложки и касы, на брюхе лежал верблюд. Через его спину были перекинута связанные два бидона. Около верблюда суетился Хасан-очки, что-то озабоченно искал.

— Эй, четырехглазый, чего потерял?— закричал Акбар.

— Камчу мою не видел?— сощурился Хасан-очки. От солнца его очки сверкнули.

— Ты протри очки,— посоветовал со смехом Акбар,— камча, возможно, в твоей руке.

Хасан-очки, не веря самому себе, устался на правую руку, в которой и была камча. Смущенно ощерившись, вскочил на верблюда, поднял его и уехал, сопровождаемый всеобщим смехом.

Работающие люди уже порядком устали, часто останавливались, вытирали пот со лба. Но все же то там, то здесь раздавались шутки и смех. Особенно переключались ребята и девчата.

Мы подошли к Акмалу. Он глянул на нас с удивлением, но прижал руку к груди для приветствия.

— Уже пришли? Ну что ж, добро пожаловать, ребята.

Не долго думая, мы направились к группе парней. Акбар, конечно, не преминул встретить нас насмешкой:

— Это вы куда, молодцы? Сразу под знамя? Вон куда вам надо шагать,— и он указал на группу девушек.

Но Агзам не захотел шутить, сказал:

— Ты, Акбар, побольше кетменем работай, а не языком.

— И-е! Еще только сын учителя, а уже учит!

Переговорить Акбара — надо котел гуджи съесть.

Мы работаем, стараемся, пот льет градом. Кетмени наши становятся все тяжелее и тяжелее. Мы с Агзамом часто останавливаемся передохнуть, но над нами никто не подшучивает. Конечно, если бы мы поели мяса с хлебом, было бы сил побольше, а от одного молока палваном не будешь. И все же мы работаем, арык увеличивается и увеличивается.

— Ассалям алейкум, бригадир!— услышал я и, подняв голову, увидел подъехавшего на коне бухгалтера.

— Здравствуйте!— сдержанно ответил Акмал.

— Как идут дела?

— Неплохо.

Иззатулла оглядел работающих, окинул взглядом выкопанные каналы и покачал головой.

— Вы, кажется, больше любезничаєте с ними, а надо приказывать. Иначе до осени не выроем этот арык.

Акмал хотел было что-то сказать, но, видимо, не посчитал необходимым ввязываться в перепалку здесь и только крепко сжал губы. А Иззатулла повернул коня и поехал вдоль арыка. Колхозники смотрели на него холодно, даже не поздоровались. Точно не заметили. Иззатулла остановил коня и спросил:

— Ну, каков ваш новый бригадир?

Вопрос был задан с насмешкой, все это почувствовали и по глазам было видно, что вот-вот вспыхнет скандал. Но, как всегда, вперед всех выскочил Акбар-шайтан.

— Каков бригадир, спрашиваете, Иззатулла-ота?— переспросил он, прикладывая руку к груди и слегка кланяясь.— Неужели вы не видите? Или вам тоже купить очки?..

Девчата и ребята захихикали.

— Смеешься?— покраснел от злости бухгалтер, но не заругался, а строго спросил:— Я спрашиваю, каков новый бригадир...

— Теперь понятно. Во!— показал большой палец Акбар.— Нам не нужны пшеничные лепешки, давай нам пшеничные речи...

— У тебя, парень, и прежде язык был длинный, а при новом бригадире стал еще длиннее.— Взбешенный Иззатулла повернулся к Акмалу и пообещал сквозь зубы:

— Я еще поговорю с вами после,— и повернул коня в сторону.

— Зачем откладывать? Сейчас очень горячий разговор может получиться!— крикнул вслед ему Акбар.

Колхозники опять засмеялись.

По блестящим глазам Акмала было видно, что он остался доволен этим резким разговором, но ни одним словом он не поддержал Акбара, не попрекнул его за невежливость. Вмешиваться в перепалку ему, понятно, нельзя было — человек он новый, взаимоотношений людей не знает.

Мы с Агзамом теперь старались работать равномерно, торопливость в таком деле не нужна — быстро изматывает. А пот пусть течет, остановить его невозможно.

В этот день мы только копали новый арык. После работы Акмал измерил длину и каждому записал его выработку в тетрадь. В это время с того берега реки показалось стадо и послышались окрики Супабека.

Акмал сел на ишака, а мы с Агзамом пошли рядом.

Разговаривать нам не хотелось, так мы устали. Позади нас шли парни, они перешучивались, особенно изошрялся неунывающий Акбар. И вдруг девушки, стойкой шедшие за нами, запели песню, не очень громко, но с охотой и весело.

— Ты очень устал?— спросил меня Агзам.

— Очень,— признался я.

— Может, вечером придешь ко мне? Отдохнешь немного и приходи.

— Ладно,— пообещал я.— Если мама отпустит.

Мама меня отпустила, когда я управился со всеми домашними делами, которые, по-моему, все переделать невозможно. Я прибежал к Агзаму вовремя. Дядя Пулат, Акмал и Эшмат сидели во дворике на деревянном помосте, а Агзам пристроился в сторонке и распустил уши. Рассказывал Эшмат.

— Я и не знаю, о чем рассказывать-то. Война есть война. Атаки да контратаки, как говорил мой командир взвода лейтенант Карасев. Так случилось и в тот день. Взяли мы одну высоту, а она оказалась очень важной. Гитлеровцы — в контратаку. А я же пулеметчик, лежу на фланге. Как начал косить, они вначале попадали, а потом побежали. Но не успокоились. Их артиллерия начала лупить. А в кого в первую очередь летят снаряды? В пулеметчиков. Напарник мой был сразу убит, а я лежу в окопчике, притаился. Снаряды, мины вокруг рвутся, осколки прямо-таки поют на разные голоса. О смерти поют. Ничего. А когда затихла артиллерия, пошла опять пехота. Ну, делать, нечего, поднялся я и опять давай косить, благо пулемет мой целехонек. Пять раз ходили гитлеровцы в контратаки и пять раз мы их отбивали. А тут темнеть начало. К ночи война утихать начинается. Пovýлезли мы из окопов воздухом подышать, ноги поразмять. И тут откуда ни возьмись мина, и под-

косила меня. Случайная. Вот так оно на войне иногда бывает...

— По-всякому бывает,— подтвердил Акмал.

— Вы лучше о себе расскажите, Акмал-ака,— попросил Эшмат.— Вы и рассказывать умеете получше меня. Да и артиллерия, как говорят, бог войны.

— Вообще-то, да, но у меня было орудие сорокапятимиллиметровое. Это вроде вашего пулемета.

— Не говорите так, Акмал-ака. Мы, пехотинцы, всегда чувствовали себя увереннее, если с нами катились ваши пушечки.

— Дядя Акмал, а подбивать вам танки приходилось?— спросил теперь я.

— Я же говорил: приходилось. На моем орудии было нарисовано три звездочки — это значило, что мой расчет подбил три танка противника. Но те танки были полегче, не «Тигры».

— Расскажите, как вы их подбивали.

— В следующий раз, ребятки. Сейчас уже пора на отдых. Ведь завтра надо трудиться во всю силу.

— Правильно, надо ложиться спать,— поддержал и дядя Пулат.

И мы разошлись.

Глава девятая

Эшмат-ака приболел, а нам надо было отправить дедушке молочные продукты — задолжали мы за материал, купленный маме на платье. Она обносила совсем. Но одного меня мама пускать не хотела и упросила бригадира, чтобы он отпустил со мной и Агзама. Ему тоже надо было кое-что отвезти дедушке для обмена.

Вечером я пригнал домой корову из стада и отправился к Агзаму, чтобы договориться. Ездить нам разрешили только полдня, поэтому встать следовало пораньше. Войдя во двор, я застал дядю Пулата и тетью Манзуру у очага.

— Агзам дома?— спросил я.

— Дома, пишут с Акмалом-ака,— ответила тетья.

«Пишут? Неужели дневник переписывает и Агзам?— с обидой подумал я.— Ведь Акмал говорил, чтобы никто не знал о дневнике, кроме нас... Не может быть!»

Захожу в дом и вижу: Акмал действительно говорит что-то, а Агзам, то и дело шмыгая носом, пишет. Я остановился пораженный. Такого обмана я не ожидал.

— А, здравствуйте, мирзо Сарвар!— подняв голову, поприветствовал меня Акмал и, видя, что я стою растерянный у порога, догадался о моих мыслях, улыбнулся и пояснил:— Вот мы с муллой Агзамом пишем письмо в Семипалатинск, хочу начать поиски моих ребят.

Я облегченно вздохнул.

— Мы уже все написали,— похвалился Агзам, складывая листок треугольником.

— Дайте я напишу адрес,— попросил я.

— Пожалуйста, у тебя почерк хороший,— разрешил Акмал.

Агзам, вижу, поморщился, не понравилась ему моя просьба. Но все же я взял треугольничек и посмотрел на Акмала. Он продиктовал мне адрес горисполкома.

В это время в дом вошел секретарь правления колхоза, поздоровался и сказал:

— Акмал-ака, вас вызывает председатель.

— Меня?— удивился Акмал.

— Да, вас.

Когда секретарь ушел, Акмал засмеялся и сказал:

— Значит, стал я уже необходимым человеком. Хорошо.— И он торопливо направился к двери.

...Утром, еще затемно, мы с Агзамом на двух ишаках отправились в город. Мы ехали рядом и распевали песню:

До тебя далеко-далеко,
А до смерти четыре шага...

Небо было звездное, ветерок прохладный. Кругом тишина. Мы и не заметили, как доехали до города, и ввалились во двор к дедушке. Передав продукты, мы привязали ишаков к дереву и отправились на улицу. Прежде всего мы бросили в почтовый ящик письмо Акмала, купили в киоске несколько газет и пошли на базар — нам было интересно поглядеть на разные товары. Чего тут только не было! Приняв нас за покупателей, продавцы окружили нас.

— Возьмите брюки-галифе! Совсем новенькие.

— Солдатские сапоги. Наилучшие!

— Немецкий кинжал не надо ли? Во как сверкает!

— Продаю фонарь. Берите, отдам совсем дешево.

Шум, гвалт, выкрики нас прямо-таки оглушили. Ловкач-джигит набросил на плечи Агзама черный пиджак и закричал неистово:

— Бери, парень, совсем дешево! Если нет денег, тащи масло, пшеницу. Обменяем!

Мы кое-как пробились сквозь эту толпу и медленно пошли вдоль полотна железной дороги. Я молчал, говорить не хотелось. Молчал и Агзам, смотрел в землю. Невдалеке мы увидели ребяташек, собирающих недогоревший уголь, выброшенный из топок паровозов или рассыпанный при перевозке. Неожиданно ребята закричали: «Эшелон идет, эшелон!» и побежали поближе к линии. Мы тоже остановились, подождали поезда. Он

приближался к станции, пыхтя и оповещая о своем приходе пронзительным гудком. Когда с нами поравнялись вагоны, мы увидели раненых солдат с перевязанными руками и ногами, с забинтованными головами. А один, положив рядом с собой костыли, играл на гармошке известную всем песню о Катюше.

Возвращались мы к дедушке печальные. Ведь у меня был на фронте папа, а у Агзама старший брат. Может, и они уже едут в таком же поезде...

Бабушка нас накормила хорошо: дала по лепешке, сладкого мучного варенья и сушеного урюка. Мы стали собираться в обратный путь. Дедушка сказал бабушке:

— Положи-ка, старая, тот ситец в хурджун. Расплатился я за него.— Затем, почесав затылок, вспомнил что-то и спросил меня:— Сарварджан, сколько у вашего Иззатуллы коров?

— Две,— ответил я.

— Почему же его сын через день на базар приезжает, сливки привозит, будто у него десять коров?

— Не знаю, дедушка.

— Да... Не мешало бы узнать...

Мы с Агзамом сели на своих ишачков и поехали. Был полдень, солнце палило вовсю, но ишачки наши бежали весело, они знали, что скоро будут дома. Переехав через реку, мы уже повернули к Каркарали, когда увидели конного. Это оказался Хасан-очки. Под ним был иноходец — рыжий, гладкий, стройный. Хасан-очки проехал мимо нас легким аллюром, подбоченясь, явно красуясь перед нами, мальчишками.

— Куда путь держишь?— крикнул Агзам.— Поздно ведь.

— В город,— коротко бросил Хасан-очки и ускакал.

Я невольно вспомнил слова дедушки. У нас тоже есть корова, отсылаем мы молочные продукты в город

один раз в полмесяца. Хасан-очки, наверное, забирает у других, ведь и конь собственный, хороший.

— Ох, и хочется мне разбить очки Хасану!— вздохнув, сказал серьезно Агзам.

— Его папаша тогда жигтя не даст,— предупредил я друга.

— Поэтому я и не разбиваю,— засмеялся Агзам и пришпорил своего ишачка.

Вскоре мы подъехали к полю, где работали наши ребята во главе с Акмалом.

— Не уставать вам!— приветствовал Агзам повзрослому.

— Э, добро пожаловать, йигитчалар,— ответил Акмал улыбаясь.— Уже съездили? Молодцы. Немного осталось копать, сегодня этот арык закончим. Давайте включайтесь в работу.

Мы соскочили с ишачков, спутали их, пустили пастись, отдали бригадиру купленные в городе газеты и взялись за кетмени.

— Хвала вам! Вот такими расторопными должны быть все парни,— горячо одобрил наши действия бригадир и присел на «бруствер». Это слово я вычитал в газетах. И мне показалось, что мы тоже роем траншеи, как солдаты на фронте, и тоже ведем бой с противником. Я сказал об этом Агзаму, он со мной согласился и, кажется, мы принялись за работу еще усерднее. Кто бы знал, как нам хотелось, чтобы скорее пришла победа!

— Дядя Акмал, а на фронте траншеи такие же?— для большей достоверности спросил я.

— Такие, только рюк их поглубже, чтобы можно было ходить во весь рост и головы не торчали,— ответил Акмал и снял шапку, вытер пот со лба.

Только тут я заметил, что он пострижен наголо.

— Дядя Акмал, а где же ваши волосы?

— Пришел парикмахер и остриг. Говорит, после волосы будут расти гораздо лучше.

— Да вы, домля, все равно не отделались бы от него,— смеясь сказал Акбар-шайтан, поплеывая на ладони, чтобы крепче держать ручку кетменя.— Ведь наш парикмахер получает трудодни по поголовью стриженных...

— И-е! Вот оно что...— поразился Акмал, а мы захотали.

Но работа не приостанавливалась. Вдруг Акбар поставил кетмень, вылез из арыка, подошел к звеньевому ребят Джумабеку и, приложив правую руку к шапке, отрапортовал:

— Товарищ командир, наш взвод в отважном броске захватил намеченный пункт и окопался. Потерь почти нет. Только...— тут он повернулся назад. В арыке, вытянувшись, лежал парень по имени Джалил. Указав на него рукой, Акбар с трагическим надрывом воскликнул:— Только один боец пал смертью храбрых!

Мы все даже приостановились и разинули рты.

— Типун тебе на язык!— Пал...— закричал сердито Джалил. Он быстро вскочил и схватился за кетмень.

— Разрешите, товарищ командир, открыть западный фронт,— теперь попросил разрешения Акбар, кивнув в сторону девушек.

— Разрешаю,— сурово насупил брови Джумабек.

— Взвод, смирно!— неистово заорал Акбар.— Кетмени на плечо! Марш на участок девушек!

Но тут громко крикнул нам Акмал:

— Товарищи, товарищи! Идите сюда на минутку. Все.— Он держал в руках газету и восторженно смотрел на нас.

Мы все подошли.

— Вот,— Акмал высоко поднял газету,— здесь написано:

Фашистское зверье удирает в центр своего логова. Теперь на Берлин!

— Ура!— закричал Джумабек, а мы подхватили. Я кричал, наверно, громче всех, и мне от радости хотелось заплакать. Тут же в голову мне пришла мысль: война кончится и вернется мой папа.

— Теперь идите и за дело,— сказал Акмал.

Шумно переговариваясь, мы все встали на участок девушек, и работа закипела, как никогда. Я видел, все очень старались. И откуда только брались у нас силы! Но до конца уже работали молча, лишь шумно дышали.

К заходу солнца мы закончили рыть и на участке девушек. Вылезали из арыка, отряхивались некоторое время тоже молча. Надо было отдышаться.

— Спасибо братья и сестры!— взволнованно сказал нам Акмал. Разволновались и мы. А он продолжал:— Свое слово перед правлением колхоза мы сдержали. Надеюсь, вы не очень устали?

На выручку, как всегда, пришел Акбар.

— Зачем нам уставать, домля? Старик Супабек говорит, что у крепкого народа и сыны богатыри.

— Верно, парень. Идите отдыхать. Завтра приступим к вырубке чали. Потребуется много сил...

И мы отправились в кишлак. По дороге Акмал незаметно отдал мне записную книжку.

За ужином я передал маме все, что велел дедушка, а потом сел за сандал, будто повторять прошлые задания учителей, а сам вынул записную книжку Акмала. И начал переписывать.

«16-е апреля. Вчера вечером меня впервые вызвали в правление колхоза. В кабинете председателя сидели шесть мужчин и две женщины. Был и Иззатулла. Наши

взгляды встретились. Да, это было не объяснение в любви. А вот аксакал, наш председатель, поистине настоящий человек. Он хвалил меня, перехвалил даже. Говорил, что люди меня начали уважать, качество работы хорошее, план выполняется. Похвалил и за чтение газет во время перерывов. Эти политинформации, особенно сейчас, вдохновляют людей. Успехи нашей армии — это успехи всего народа. Потом сказал, что на очистке арыков от чали руководство работами тоже будет доверено мне. И тут я разволновался, закашлялся, а аксакал сам подал мне воды в пиале и сказал:

— Вы, домля, еще очень больны, но сами понимаете, время не ждет. Да я надеюсь, в поле все же вам полезнее быть. Только, пожалуйста, не застуживайтесь.

Я поблагодарил его, пообещал сделать все, что в моих силах. И тут я счел необходимым сказать, что дважды Хасан привозил вместо кислого молока айрац. После такой пищи много не наработаешь. Иззатулла, казалось, готов был съесть меня, покраснел от злости и закричал:

— Это клевета! Новый человек уже свои порядки устанавливает...

— Не горячитесь,— сказал председатель.— Мы это проверим на молочной ферме. А вычищать чали по колено в воде — очень трудная работа. Один раз будем готовить вашей бригаде горячую пищу,— пообещал аксакал.

Решение это очень правильное, я так обрадовался, что вышел из правления, кажется, почти здоровым!»

Глава десятая

Мы трудимся на очистке головного арыка от чали. Чали — это такая бледно-зеленая трава с ворсистым

стеблем. Она растет очень быстро, к осени образует целые заросли. Если арыки не очистить весной, то она так разрастется, что совсем закроет путь воде и до кишлака вода едва доползет небольшим ручейком.

Хотя канал на время работы был перекрыт, все равно в глубоких местах воды было много, да и в тину мы часто проваливались по самый пояс. Это не очень приятно, особенно по утрам, когда холодно. А когда солнце поднимется в зенит, тоже не слаще, ноги в холодной жиже, а спину и голову словно насквозь пронизывают жгучие лучи. За день мы успеваем продвинуться вперед метров на триста — триста пятьдесят. Это немало, если учесть, что почти на каждом метре приходится поднимать и выбрасывать на берег тяжелую кипу водорослей, а нас, работающих здесь, всего двенадцать подростков. С нами нет сейчас нашего силача Джумабека. Сегодня он женится. Супабек-бобо все-таки настоял на своем. «Война кончается,— говорит он,— а пока сына заберут служить в армию, у меня уже будет внук». Говорит и смеется.

Мы все приглашены на свадьбу. После работы отправимся. А пока мы стараемся побольше очистить чалы. Пусть на фронте будет победа, и у нас тоже.

Председатель колхоза сдержал свое слово — на обед нам теперь Акмал готовит горячую пищу. Сегодня даже гуджа с мясом. Это ведь у нас редкость, и мы работаем куда веселее, чем всегда. Да и на свадьбе мы надеемся хорошо покушать. Такой прекрасный день.

Изредка в ямках, залитых водой, попадают большие рыбешки, к вечеру мы набираем их ведро или полтора, в конце работы делим ее между собой и несем домой. Вот только молоко, которым мы подкрепляемся в полдень, по-прежнему очень плохое, водянистое, без-

вкусное. Если спросишь, почему оно такое, Хасан-очки, который привозит молоко в бидонах, лишь плечами пожимает или же огрызается. Мы спросили об этом у заведующего молочной фермой Иса-бобо, но он обиделся на нас, заверил, что посылает молоко цельное. Если угодно, пусть ребята проверят. Но мы и так деду верим. А Хасан-очки вызывал подозрение.

— Он добавляет в молоко воды,— утверждал Агзам.

— Но ведь между фермой и Бельярыком даже поблизости нет воды,— возразил насмешливо Акбар.— Он запасается ею с вечера?

В это время к нам подошел Акмал. Но мы продолжали спорить. Только перешли на свой язык, одним нам понятный.

— Ронмуст садуза?— предложил Акбар.

— Кимка разомоб?— спросил Агзам.

Акмал недоуменно взглянул на Акбара, затем перевел взгляд на Агзама. Он, конечно, ничего не понял. А секрет нашего языка был небольшой: первый слог каждого слова переносился в конец. В данном случае Акбар предложил: «Устроим засаду?», Агзам же спросил: «Каким образом?» Без некоторого навыка наш «язык» мог расшифровать не каждый, и мы, не обращая внимания на нашего руководителя, продолжали по-своему договариваться:

— Спрячемся на дороге вчетвером.

— Подходит.

— Когда начнем?

— Через час.

Акмал, все больше изумляясь, спросил:

— Эй, мальчики, что это за язык? И о чем вы говорите?

Акбар хитро улыбнулся.

— Мы разговариваем на языке несовершеннолетне-

го народа кишлака Каркарали. Мы советуемся, не сходить ли нам через час на рыбалку. Конечно, с вашего разрешения.

— Чудаки вы,— сказал Акмал.— Что же тут особенного? Можно договориться без секретов, на нормальном языке.

Агзам прыснул, и я посмотрел на него строго — еще чего доброго, возьмет да выдаст нас.

Мы обсудили детали предстоящей «операции» по всем правилам оперативного искусства.

Прошел час. Мы вылезли из арыка, отряхнулись. Другие ребята продолжали работать. Акмал, увидев, что мы собираемся, крикнул:

— Пошли за рыбой?

— Да,— ответил Акбар и обратился к остающимся паренькам:— Вы, молодцы, нас не подводите, работайте на совесть.

И мы двинулись.

— Только вы недолго ходите,— закричал нам вдогонку Акмал.— Скоро ведь молоко прибует.

— Мы знаем, не задержимся,— помахал рукой Акбар и засмеялся.

Зайдя за бугор, мы побежали. От Бельарыка до молочной фермы три километра — расстояние немалое. По одну сторону проселочной дороги растет полынь, даже запах вокруг горьковатый, много и верблюжьей колючки. По другую же сторону сплошные заросли тамариска — высокого, ветвистого, густо усеянного в эту пору бисеринками мелких розовых цветочков. В этих зарослях кустарника мог скрыться не только человек, но и всадник на коне. Мы вошли в заросли и притаились недалеко друг от друга. Солнце палит нещадно, духота здесь невыносимая, листочки тамариска не шелохнутся, но мы терпим. Задача боевая, на фронте ведь и не то

приходится претерпевать. Вытираем пот рукавами. Посыпаем. Молчим.

Вокруг горячая тишина. Лишь изредка, словно жалясь на жару, тихонько и монотонно прострекочет кузнечик или высоко над нами, в голубой дымке, промелькнет и звонко пропоет жаворонок. Сидим не шелохнемся, обливаемся потом, вдыхаем табачный запах тамариска. Нестерпимо чешутся лицо и шея от прилипающих шершаво-колючих цветочков. Но мы терпим.

Наконец вдали мелькнул силуэт всадника. Мы приподнялись, чтобы лучше разглядеть. Но он свернул к кишлаку. Еще несколько минут мучений. Над кустарниками показалась шапка. Похоже, этот всадник сидит высоко, значит, едет на верблюде. Вгляделись и замалыхали друг на друга руками — мол, тише, он появился, Хасан-очки.

Шапка приближалась. Мы замерли. Шапка почему-то болталась из стороны в сторону. И только когда Хасан-очки подъехал совсем близко, мы поняли, почему он так сильно качается. Парень нещадно хлестал верблюда плеткой, и бедное животное несло вонючую, а бидоны, подвешенные в переметные сумы, били животное по бокам.

Внезапно всадник пропал с глаз, он заехал в заросли и теперь найти его было трудно. Вдруг Акбар остановился и указал рукой на небо, где над кустарником в одном месте с криком закружились птицы. Опять по знаку Акбара мы перебежали на другую сторону дороги и, стараясь не особенно высовываться из высоких кустов полыни, понеслись вдоль дороги. А вот и следы верблюжьих ног. Теперь мы поползли. И вскоре увидели прогалину, недалеко полянку, а на ней лежащего на брюхе верблюда. В нескольких метрах от него, у вы-

сокого куста, что-то делал Хасан-очки. Повозившись несколько минут, он вылез из кустов, забрался на спину верблюда. Издав короткий рев, верблюд приподнялся. Хасан-очки выехал на дорогу, огляделся и, стегнув животное плеткой, быстро скрылся за поворотом.

Мы стремительно вскочили и кинулись к поляне, но на ней ничего не было, только трава вся была примята, видимо, верблюд здесь ложился на брюхо. Не сговариваясь, мы принялись шарить по кустам. Через минуту Агзам победоносно вскрикнул и вынес из кустов что-то завернутое в мешок. Развернули. В мешке оказалась большая кастрюля. Он поднял крышку и мы от удивления разинули рты: кастрюля до краев была наполнена сливками. Теперь нам все стало ясно! Мошенник не напрасно стегал своего верблюда, нагруженного бидонами с молоком — он таким образом сбивал сливки. А потом увозил их в город!

— Пошли!— приказал Акбар.— Мы должны накрыть его сейчас.

К нашему стану мы намеренно подошли с другой стороны, на всякий случай оставив кастрюлю, завернутую в мешок, неподалеку в траве. Хасан-очки прибыл почти одновременно с нами, видно, остальную часть пути он проделывал уже не спеша.

По обыкновению в час дня мы выпивали по кружке молока, привезенного Хасаном-очки, и снова принимались за работу до горячего обеда, который бывал поздневат. Ребята начали подходить с чашками. Хасан-очки первому налил молока Агзаму. Парень глянул в чашку и удивленно поднял брови:

— Опять синее, как небо. Лучше бы ты, Хасан-очки, привозил айран, чем такое жидкое молоко.

Акбар заглянул в бидон и спросил:

— Наши коровы дают такое молоко?

Хасан-очки молча смотрел в сторону.

— Отвечай же!— закричал Акбар, подскакивая к парню со сжатыми кулаками.

— А я откуда знаю?— Хасан-очки нагло глянул на Акбара.

— Значит, не знаешь?

Акбар так воинственно наступал, что Хасан-очки растерянно оглянулся, но все-таки процедил:

— Не знаю.

— Давай, Агзам!— подал команду Акбар, махнув рукой в ту сторону, откуда мы пришли.

Агзам только и ждал этого сигнала, он побежал, вытащил из травы мешок и приподнял его.

— Ого, рыбина-то огромная, наверное, попалась,— воскликнул радостно Акмал.— Можем еще и уху сварить.

— Рыбина та еще!— ответил Агзам, подтаскивая мешок к Акбару.

— Сом, должно быть?

— А если щука? Не пойдет?

— Тоже неплохо. Показывайте!

— Минуточку. Смотрите фокус-мокус,— Акбар развернул мешок и вытащил кастрюлю. Поднял крышку.— Прощу. Чем не фокус?!

Все вытаращили глаза, уставились на кастрюлю, словно действительно произошло какое-то чудо. Потом, догадываясь уже в чем дело, ребята молча перевели взгляды на Хасана-очки. А Акбар помахал над кастрюлей рукой и еще более угрожающе спросил:

— Не знаешь?!

Хасан, побледнев, хотел было сделать шаг назад, но отступать было некуда, там лежал верблюд. Акбар размахнулся.

— Гадина!

Очки Хасана отлетели в сторону. Акбар размахнулся было второй раз, но Акмал схватил его за руку.

— Стой! Разобраться надо.

— Мы уже разобрались.

Акбар коротко рассказал, где мы взяли кастрюлю со сливками, каким образом выследили жулика. Все ребята снова с ненавистью уставились на Хасана, и только присутствие Акмала удерживало их от расправы. Агзам все-таки не выдержал, выплеснул молоко из чашки в морду Хасана и закричал:

— На, пей сам, подлец!

Хасан-очки отшатнулся, ища платок, зашарил руками по карманам, но, видимо, платка не было. Ребята с брезгливостью смотрели на его лицо, облитое молоком. Акмал тоже долго с ненавистью смотрел на жулика. Наконец сурово спросил:

— Вы ведь грамотный, молодой человек. Так скажите нам, что это такое?— и он показал на кучу чали.

— Чали,— растерянно проговорил Хасан-очки.

— Для чего мы вытаскиваем ее из арыка?

— Чтобы текла быстрее вода...

— Чтобы не преграждала путь воде?

Хасан-очки кивнул.

— А теперь скажите, как назвать того человека, который мешает убирать с пути воды эту чали? Который хочет, чтобы засохли деревья, посева в трудное военное время?

Бледность мгновенно покрыла лицо Хасана, мне показалось даже, что он закачался.

— Чем отличается такой человек от чали?— добавил Акмал, дрожа и бледнея сам. Я впервые видел его в гневе.— С каких пор и от кого вы научились мошенничеству?!

— От папаши!— вставил насмешливо Акбар.

Акмал, немного успокоившись, повернулся к ребятам:

— Ну, что мы будем делать с этим негодяем?

— Доверять молоко ему нельзя,— сказал Агзам.— Пусть поработает на чали вместе с нами.

— Да он не выдержит, хлюпик,— определил Акбар.

— Заставим,— упрямо повторил Агзам.

Остальные ребята молчали, видно, не знали, какое предложить наказание — слишком большая была обида. Отнять пищу у своих товарищей — что может быть поганее?!

Все ребята как по команде посмотрели на Акмала. И он сурово и твердо произнес:

— Нет! Может быть, он и выдержит, но ему нельзя доверять не только молоко, но и любое наше дело. Победу кует честный народ. А такие всего только чали...

— Точно!— поддержал Агзам.

— Окончательное решение вынесет правление колхоза.

Хасан-очки с мольбой оглядел всех ребят по очереди, но все от него отвернулись. Тогда он медленно нагнулся и зашарил пальцами по земле, ища свои очки. Агзам ногой пододвинул их к нему.

— На!

Дрожащими руками нацепив очки, Хасан направился было к верблюду, но Акмал остановил его.

— Вы, молодой человек, оставьте верблюда в покое. На нем отвезут молоко тем, кто работает на клевере. И запомните: это не месть, а справедливое решение...

Хасан-очки медленно направился в сторону дороги, а отойдя немного, обернулся и что-то проворчал. Мы не расслышали. А когда он исчез за кустарником, Акбар, глядевший ему вслед, проговорил сердито:

— Будет теперь знать, как обжуливать людей.
Но настроение у всех было испорчено, разговаривать не хотелось, и до обеда мы работали не разгибаясь.

Глава одиннадцатая

Юрта Супабек-бобо стоит на берегу реки, в километре от кишлака, на травянистом приволье.

Земля в Каркаралы странная, через каждую сажень свои особенности, свои качества. Выроешь колодец под ногами — вода пресная, а выроешь чуть подальше — горько-соленая. Старцы говорят, что там, где растет пахучий кустарник Гармала, вода внизу пресная, это растение солончак не любит. На месте, выбранном для юрты Супабек-бобо, растет и кустарник, и высокая зеленая трава.

Мы, ребята, на свадьбу прискакали на ишачках. Места тут раздольные, поэтому приезжающие, спутав ноги ишачкам, пускают их пастись. Вокруг юрты необыкновенно чисто. На очаге в огромном казане что-то булькает, вкусно пахнет мясом.

По одну сторону юрты постланы войлоки, на них сидят гости, на особо почетном месте полулежат седобородые старики в казахских шапках. Пришел Акмал, Эшмат повел его в ту сторону, откуда раздавались звуки домбры.

Начало смеркаться. И среди общего говора выделился голос Супабек-бобо:

— Уважаемый аксакал, прошу на почетное место.

— Поздравляю вас, Супаке! — сказал Султан-бобо и пересел на самое почетное место.

— Дорогой аксакал, не было бы свадьбы, не увидели бы здесь мы вас... — пошутил Супабек-бобо.

Председатель ответил тоже шуткой:

— Ну, с моим приходом, я думаю, ваш скот не разжиреет.

— Зато у нас настроение станет лучше.

— Спасибо, спасибо,— Султан-бобо приложил руки к груди.— Разве вас переспоришь. На соревнованиях по островам вы всегда первый...

— Вы тоже не всякому уступите... Разрешите теперь мне идти, аксакал. Есть дела.

Хозяин ушел, а Султан-бобо обернулся к сидящему неподалеку Акмалу и спросил:

— Не уставать вам, дорогой бригадир! Как идут ваши дела?

— Не во всем гладко, но в общем неплохо...— Акмал примолк, задумался, потом вдруг спросил, высказав, видимо, давно мучившую его мысль:— Аксакал, а нельзя ли эту чали вытаскивать из арыка обыкновенной бороной?

— Каким образом?— заинтересовался председатель.

— На поле ведь лошади таскают бороны, там лошадей запрягают, как в арбу...

— Потом борону в арык, так?— оживился председатель.— А получится ли?

— Надо попробовать. Попытка — не пытка.

— Завтра же в вашем распоряжении будет пара коней с упряжкой,— пообещал Султан-бобо.— Сам приеду посмотрю.

Кто-то потянул меня за локоть. Я обернулся и увидел подсевшего ко мне Агзама.

— Ты где пропадал?— спрашиваю.

— Пойдем,— не отвечая на мой вопрос, пригласил он.— Сейчас невеста прибудет.

Мы уже знали, что Джумабек все же добился своего, сосватал Сарагуль, ту девушку с острым язычком.

А может, она уговорила своего отца? Пообещала, наверное, убежать, если он не согласится. По-моему, лучше было бы, если она убежала с Джумабеком. Интереснее.

Мы с Агзамом медленно направились к юрте. Вокруг уже стало совсем темно. Освещения никакого не было, кроме огня в очагах.

Свадьбы у нас бывают интересные. Однажды я видел, как провожали невесту из дома. Мне очень понравилась свадебная песня «Ёр-ёр», поют ее парни и девушки. Вот некоторые куплеты этой песни:

Парни

Ты не плачь, что оставляешь отца в доме,
Отец твоего мужа, будь он хорош, заменит его.

Девушки

Теперь есть у меня тесть, он казах,
Но будет ли он ласков, как мой милый отец?

Эта песня длинная. Девушки состязаются с парнями. А невеста почему-то в это время плачет. Себя, что ли, жалеет? Ну, а потом находится сердобольная тетушка, которая, поглаживая девушку, успокоительно поет:

Не плачь, красавица, не плачь,
Не лей слезы кипучие.
Если бы ты родилась мужчиной,
Не была бы такой участь твоя.
Не лей слезы кипучие,
Не хотели бы выдать тебя,
Да судьба твоя такова!..

После этого жених усаживает невесту на лошадь — и был таков.

Так же, наверное, было и на этот раз. Джумабек

привез свою невесту на лошади, его сопровождали парни и девушки тоже на лошадях. Подъехали они к юрте. Их немедленно окружили гости. С ними был и улыбающийся Акмал. Джумабек лихо соскочил с коня и ловко снял невесту.

— Ну-ка, ну-ка, посмотрим-ка на невестушку!— закричал кто-то.

Но тут на середину выскочил лукавый джигит с усиками и, поведя вокруг рукой, громко провозгласил:

— Погляденье без подарочка? Не получится!

— Так спой же сам песню-погляденье!— посоветовал все тот же человек.

Джигит только этого и ждал, подхватил поданную ему домбру и залился соловьем:

Эй, теща, поди сюда,
Слушай меня внимательно.
Если подаришь верблюда,
То дари хорошего,
Да накрой его ковром.
Если табун коней подаришь,
Каждый конь пусть с верблюда.
Корову дари породистую,
И чтоб легко доилась.
И ярочек дари плодовитых,
Чтоб по два ягненка приносили...

— Ладно, ладно,— замахала обеими руками свекровь, улыбаясь.— Но ты открой лицо девушки, дай же взглянуть на мою милую невестушку...

Джигит с усиками чуть-чуть приоткрывает лицо девушки и советует очень серьезно:

— Взгляни-ка, невестушка, на свекровь свою. Нос у нее — шишка, лицо толстое, как у льва... Поклонись ей, не бойся!

Гости дружно захохотали. Жена Супабека-бобо вы-

глядела еще совсем молодой, женщина она была миловидная, улыбчивая. Посмотрела она на парня, покачала головой.

— Ух, и язычок у тебя!— Потом церемонно поклонилась невесте и ласково сказала:— Хвала тебе, милая невестушка, живи у нас долго-долго!

Невесту увели в юрту, и оттуда скоро донесся улан¹.

Джумабек же направился к нам, к подросткам. На голове его был загнутый по краям колпак, одет он был в праздничный, как положено жениху, костюм, на ногах блестели сапоги. В таком одеянии никто из нас его никогда не видел. Он всегда одевался как сын раздольных степей — просто и неприхотливо, — и мне казалось, что в наряде он чувствует себя стесненно. Мне даже немного было его жалко. Он поглядывал на нас, друзей своих, смущенно, а мы над ним не шутим — еще бы, для него ведь начинается новая, семейная жизнь. Мы, собственно, прощались с ним, в нашей компании теперь ему не быть.

Говор и смех смолкли, гости слушали музыку. И вдруг я увидел, что в глазах людей — печаль. Лица еще были веселые, а в глазах каждого видна была затаенная боль, — видно, всколыхнул дутар то, что было в душе у каждого — мысли о близких, которые там, на фронте. Играл Акмал. Рядом с ним сидел Султан-бобо и, прикрыв глаза, застыл в каком-то напряжении. Я подтолкнул Агзама и прошептал:

— Дутар давеча я принес. Султан-бобо велел.

— А откуда он узнал, что Акмал-ака играет на дутаре?— удивился Агзам.

— Наверно, Эшмат сказал.

Музыка, ночь, люди, застывшие в разных позах,—

¹ Улан — песня.

все это мне показалось фантастическим. Особенно странной была картина, когда от очагов вдруг усиливался свет, видимо, подкидывали дрова, и на людей падали красные блики, вокруг темнота сгущалась, окружала нас плотной непроницаемой стеной.

И вот дутар затих. Раздалась дробь барабана.

Опять послышались шутки, то там, то здесь раздавался смех. Пошутили, посмеялись, поели, пожелали счастья Джумабеку и разошлись. Мы пошли веселой гурьбой: Акмал, Агзам, я и несколько девушек. Я нес дутар. Акмал-ака играть отказывался, шутил, он был немножко навеселе.

Агзам ушел с девушками, а мы с Акмалом остановились около калитки. Я пригласил его в дом, но он отказался.

— Ты, Сарварджан, иди, отдыхай. Завтра рано вставать, и работа тяжелая, — посоветовал Акмал. — Агзам вернется скоро, и мы отправимся отдыхать.

Я занес в дом дутар, но подумал, что неприлично оставлять человека одного и вышел на улицу. Смотрю: Акмал-ака стоит, согнувшись у забора и прижимает руку к голове.

— Что с вами, дядя Акмал? — крикнул я, подбегая.

— Ничего... Есть у тебя платок?

— Вот возьмите. Но что с вами?

— Сейчас, сейчас...

Акмал прижал платок к голове и он тут же потемнел. Кровь! Я перепугался. А тут подошел и Агзам.

— Что случилось? — заволновался и он.

— Кто-то бросил камень, наверное... — ответил Акмал.

Поддерживая под руки, мы с Агзамом ввели Акмала в дом. При свете лампы мы увидели большую рану у

виска. Дядя Пулат и тетя Манзура быстро наложили на рану прижженный войлок. Кровь остановилась.

Кто же этот подлец?

Глава двенадцатая

В эту ночь я долго не мог уснуть, все думал — кто же посмел ударить камнем Акмала-ака, кому он досадил? Вначале я подумал на Таташа-джинни, парень очень обиделся, когда в кибитке поселили Акмала. Но, поразмыслив, отказался от этого предположения — Таташ сразу бы привел в исполнение свою месть, он уже давно забыл о том событии. Следующим на подозрении был, конечно, Хасан-очки. У этого были все основания расквитаться за разоблачение, да и по характеру он был мстительный. И предположение мое вскоре получило подтверждение.

Выгоняя утром корову в стадо, около калитки я наступил на что-то хрупкое, под погой у меня раздался легкий треск. Я взглянул и ахнул: очки! Кто у нас в кишлаке носит очки? Один Хасан. Как они очутились у нашей калитки да еще в пыли? Разумеется, я поднял их и положил в карман. Значит, Хасан-очки бросил ночью в Акмала камень и, убегая, споткнулся и упал, очки его отлетели в сторону и в темноте он их не нашел. На земле отчетливо видны были следы колен и мягких сапог — ичигов, которые тоже носили очень многие.

Отгнав корову в стадо, я уже направился было к дяде Пулату, но он сам появился на улице — куда-то направился спозаранку. Поздоровавшись, я рассказал ему о находке.

— Где эти очки? — спросил он.

— Вот.

— Дай-ка их мне. Пошли.

Мы подошли к нашей калитке. Дядя тщательно оглядел все следы, оставленные хулиганом. Капли крови тоже хорошо были видны у забора, у которого ночью стоял Акмал. Нашли мы и половинку кирпича, которым был нанесен удар.

— Ладно, иди поешь и на работу,— сказал дядя Пулат, заворачивая очки в платок.— Пока об этом не рассказывай никому. Понял?

— Хорошо.

Дядя отправился по своим делам, а я позавтракал и, взяв серп, пошел на работу.

С утра Акмал на работу не явился, а Султан-бобо, сдержав свое обещание, прислал двух коней и две небольших бороны. Посовещались мы и решили попробовать сами. Этот способ очистки оказался очень хорошим. Само по себе чали растеньице очень нежное, легко рвется, борона своими зубьями вырывает его почти целиком с корнем. Конечно, через определенное расстояние траву приходится вытаскивать, вот тут ребята и помогали. И еще мы косили траву по краям арыков.

Акмал пришел после полудня с забинтованной головой. Нашей работой он остался чрезвычайно доволен. Мы продвигались теперь очень быстро. И тут приехал на верблюде немного припоздавший Таташ — председатель поручил ему возить молоко. Показывая на бидоны, он со смешком говорил: «Хо-о-о, катык, катык, хо-хо...» Таташ, видимо, хотел пошутить, говорил, что в бидонах кислое молоко. Но на свете, наверное, нет животного грубее верблюда: может быть, поняв возгласы седока по-своему, верблюд внезапно опустился передними ногами на колени, и Таташ, не ожидавший этого, кубарем покатился на землю. К нему подскочил Акбар и поднял.

А Таташ нисколько не смутился, хотя лицо его было в пыли, поблескивая глазами, он радостно повторял: «Хо-о-о, катык, катык, хо-о-о...» Мы так и покатывались со смеху. Акбар даже не улыбался, защищал парня, грозно кричал на нас.

— Ну, чего расхохотались!

По примеру Акмала, мы теперь стали называть нашего снабженца «мулла Таташ», и он же нам посоветовал разговаривать с парнем по-человечески, нормально. И ребята, то ли последовали этому совету, то ли все же в шутку, начали разговаривать с Таташем вежливо, может быть, даже чуть серьезнее, чем следовало.

— Мулла Таташ, как она, жизнь?— спрашивал кто-нибудь.

— Садись с нами, отдохни, мулла Таташ,— предлагал другой.

— Ты лучше Хасана-очки, мулла Таташ,— утверждал третий.

Но во всяком случае, молоко, привозимое Таташем-джинни, всегда было свежее и не снятое.

Однажды, допивая с шутками свое молоко, привезенное муллой Таташем, мы увидели на дороге двух всадников. Вскоре они свернули в нашу сторону. Одного из всадников мы сразу узнали по посадке на лошади: он ехал чуть пригнувшись и покачиваясь устало. Это был Султан-бобо, наш председатель. А другого всадника мы не знали.

— Не уставать вам, джигиты!— произнес традиционное приветствие работающим людям Султан-бобо, натягивая поводья коня.— Ну как, работа спорится?

— Здравствуйте, джигиты!— поздоровался другой всадник. Одет он был в офицерскую гимнастерку и брю-

ки с тонкими кантами, но без погонов. На голове военная фуражка без звезды.

— Здравствуйте!— поприветствовали и мы.

К нашему удивлению, Акмал подошел ко второму всаднику, пожал ему руку и тепло поздоровался:

— Здравствуйте, Закирджан-ака!

— Как ваши дела, Акмал-ака? Кажется, неплохо?— поинтересовался незнакомец.

— Дела хороши,— ответил Акмал.— Уже работаю, насколько хватает сил, конечно.

— Говорил я вам, что поправитесь, так и вышло. Выглядите вы хорошо. Воздух здесь чистый, живительный. Уже привыкли к местным условиям?

— Как не привыкнуть. Люди здесь прекрасные.

— Замечательно! Захотелось навестить каркаралинцев, и вас тоже. Вот я и приехал с аксакалом.

— Да будет счастливым ваш приезд.

— Спасибо. Ну, мы еще встретимся, домля, поговорим,— приезжий глянул на Султана-бобо.— Отправились дальше, аксакал?

— Поехали.

И только тут я вспомнил. Это же Закирджан Ахмедов, районный прокурор. Зачем он приехал? Узнать, кто бросал камень в Акмала? Но такими делами у нас занимался участковый уполномоченный Тулкун Дияров. Зачем же он приехал.

После отъезда председателя и прокурора засобирался и Таташ, надо было отвезти молока работающим колхозникам на клевере и на окучке хлопчатника.

— Мулла Таташ, возвращайтесь к нам,— сказал Акмал нашему снабженцу.— Я приготовлю гуджу и угощу вас.

— Хо-о-о, приду, приду,— улыбаясь, пообещал Таташ.

Начало вечереть, и мы отправились в кишлак.

По обыкновению я пригнал корову из стада, умыл братишку и сестренку, помог маме еще кое в чем, и мы сели ужинать. Тимур хвастался, что он залез на дерево и поймал майского жука. Я ему не поверил, но за него заступилась Халима, и они вдвоем мне доказали, что на самом деле поймали майского жука.

После ужина я взял учебники и тетради, вроде бы решил повторить уроки. Мама в таких случаях очень радуется, запрещает малышам шуметь, хочет она, чтобы я выучился на агронома. Иногда я на самом деле что-нибудь прочитываю или решаю задачку, чтобы не забыть пройденное. Я нашел последнюю запись Акмала-ака. Всего одна строчка:

«23 апреля. Сегодня видел во сне сына — Фархад...»

Дверь скрипнула, я прервал чтение и обернулся. В дом вошел запыхавшийся Агзам. Увидев маму, он подошел ко мне и потихоньку сказал на нашем языке:

— Дивый!

— Чемза?— спросил я.

— Лоде.

Мы вышли во двор.

— Что за срочное дело?— первым заговорил я, видя, что Агзам очень волнуется. Он два раза огляделся кругом, нет ли, мол, кого поблизости, пододвинулся ко мне и опять тихо проговорил:

— Знаешь, Сарвар... Акмала-ака, оказывается, будут судить и, может быть, посадят...

Я даже онемел. На него нападают и его же судить?! Невероятно! Я схватил Агзама за руки и закричал:

— Кто это говорит? Кто болтает?

— Сейчас видел я Хасана-очки. Он ехидно заулыбал-

ся и сказал, что прокурор приехал, чтобы Акмала послать к черту на кулички.

— Подлец!

— А когда я пришел домой, папу вызвали в правление, секретарь сказал: там ждет его прокурор. Я сорвался и сюда. Что теперь будем делать?

— Не знаю.

А что мы могли предпринять? Думали мы думали и, ничего не решив, понутив головы, отправились по домам. Хотел было я сказать об этом маме, потом засомневался — зачем ее-то еще расстраивать?

Я лег в постель и долго лежал с открытыми глазами, бессмысленно смотрел в темноту. Одного мне хотелось: скорее вырасти, чтобы защищать честных людей и ставить на место всех подлецов.

Все, что сообщил мне Агзам, оказалось правдой. Утром рано Султан-бобо собрал колхозников в правлении, явились и мы, подростки. Мы тоже работали и имели определенный вес в решении колхозных дел. Так я думал, когда нас приглашали. За столом сидели Султан-бобо, Иззатулла, Ахмедов и еще два члена правления. Тут же был и дядя Пулат. Люди молчали, недоуменно поглядывали друг на друга, всем хотелось знать: в чем дело, что произошло? Супабек-бобо не выгонял еще стадо, сидел он в уголке, о чем-то размышлял, забрав в кулак свою клинышом бородку. Рядом с ним дремал Джумабек. Мы, мальчишки, работающие на чаля, сели возле Акмала. Он, кажется, и не волновался, спокойно осматривал прибывающих людей. В дальнем углу щурился без очков Хасан-очки. Голову он держал гордо.

Колхозники, ясно, больше всего посматривали на Ахмедова, — уполномоченные-то из района приезжали нередко, но ведь на этот раз пожаловал прокурор... А он сидел за столом, устало опустив голову, курил. Мало

кто знал, что его мучили маленькие осколки от мины, застрявшие в его теле. Следы фронта. Голова у него часто, как он говорил, разламывалась на куски. Он сделал несколько глубоких затяжек, потом с силой вдавил окурок в пепельницу и повернулся к Султану-бобо.

— Все, наверное, уже явились, аксакал?

— Пожалуй, все,— ответил председатель.

— Начнем тогда,— сказал Ахмедов и поднялся. Взял из папки, лежащей перед ним, листок бумаги и обратился к колхозникам:— Товарищи! Я понимаю: вы удивлены и встревожены — к вам явился прокурор, и председатель собрал вас срочно да еще так рано, утром. Но я хочу вас сразу предупредить: приехал я не как прокурор, а как прикрепленный представитель райкома партии. А за то, что собрали вас так рано, прошу извинить — уж очень много дел, трудно везде поспеть.

Колхозники недоуменно переглядывались. Объяснения не успокаивали и не рассеивали настороженности.

— Из вашего кишлака в райком пришло письмо,— приступил к делу Ахмедов.— И такого же содержания заявление в суд. И письмо, и заявление касаются недавно прибывшего в ваш кишлак Акмала Даниярова. В них описывается его деятельность в кишлаке.

— Какая деятельность?— спросил кто-то из колхозников, сидящих в задних рядах.

— А кто написал?— поднял голову Супабек-бобо.

Султан-бобо постучал карандашом по столу, попросил выслушать представителя до конца, потом задавать вопросы.

— Потерпите немного, товарищи,— продолжал Ахмедов, подняв над головой листки.— Сперва я расскажу вам коротко их содержание. Будто бы судимый в

прошлом Данияров, собрав вокруг себя группу молодежи, старается сбить их с правильного пути...

— Неправда!— закричали мы, и громче всех Акбар.

— Товарищи, вас же просили выслушать до конца. Если кто захочет что-либо сказать, получит слово и скажет.— Ахмедов заглянул в листок.— Хош. Далее написано следующее: парторг колхоза Пулат Кудратов, хотя и видел чуждую нам деятельность, взял Даниярова под свое покровительство. Кроме того, судимый в прошлом за воровство, никому не известный человек поставлен на ответственное, имеющее жизненное значение для колхоза дело — рытье арыков и очистку их от чали, то есть на восстановление ирригационной системы, от которой зависит урожай полей. И председатель колхоза, видя это, тоже не принимает никаких мер. А Данияров распоясался, вместо чистки арыков читает подросткам какие-то книги. Словом, в этом суть письма и заявления. Автор просит разобраться и принять необходимые меры, пресечь безобразия.

— Кто написал?— опять спросил Супабек-бобо.

— Письма и заявление написал ваш бухгалтер Иззатулла Суюнов.

Колхозники молча обернулись к бухгалтеру. Воцарилась напряженная тишина. Я вспомнил, как Иззатулла сказал как-то Акмалу: «Ладно, мы еще поговорим после», и понял, что он имел в виду сегодняшнее собрание. Хотя колхозники и ничего не говорили, по их глазам можно было понять, о чем они думают. И Иззатулла правильно оценил эти суровые взгляды, лицо его вытянулось, глаза беспокойно забегали, он искал поддержки, но не находил и все больше терялся.

— Теперь прошу высказываться,— предложил Ахмедов.

— Вымысел!— крикнул Акбар.

— Клевета!— добавил Агзам.

Поднялся шум. Ахмедов поднял руку.

— Стойте, товарищи! Так не годится. Надо говорить по одному. Кто, товарищи, хочет высказаться?

— Я!— поднял руку Супабек. На собраниях он у нас выступал часто и толково, поэтому все посмотрели на него с интересом.

— Пожалуйста, отец.

— Пожалуйста или не пожалуйста, а я все равно скажу, милоч. Я хочу кое-что спросить вот у этого верблюда...

— Спрашивайте, отец,— поощрил Ахмедов с улыбкой,— но только прошу без грубых слов.

— Прости, милоч, мы люди степные, слово верблюд еще не самое грубое, хотя это животное и плюется. Но скажите мне на милость: могут ли быть грубее и лживее слова, чем написал вот этот верблюд?

Раздался смех. А Супабек-бобо продолжал как ни в чем не бывало:

— Скажи-ка мне, уважаемый бухгалтер, это письмо на самом деле написал ты?

— Я написал. А что?— огрызнулся Иззатулла.

— Что плохого сделал тебе этот человек? Что он твое порушил, чем оскорбил?

— Если бы он навредил только мне, если бы порушил только мое, я бы не написал в райком.

Бухгалтер уже оправился от неловкости и решил сам наступать. Однако последними словами он задел всех колхозников, получилось якобы он пожертвовал своими интересами, защищая дела общие, колхозное хозяйство, молодых колхозников. Я, мальчишка, и то понял, что под маской борьбы за общее дело он сводит какие-то свои счета. Теперь уже ни Ахмедову, ни Султану-бобо не надо было спрашивать людей высказы-

ваться, они сами вставали и говорили все, что думали.

— С тех пор, как в колхоз прибыл Акмал, он никому не причинил никакого вреда, наоборот, пользу приносит, хотя и больной. Бухгалтер цифрами хорошо владеет, а с людьми жить не научился.

— А теперь я скажу,— встал Акбар.— Наш бухгалтер говорит, что нас сбили. Куда сбили? В ту сторону, что мы, ребята, хорошо работаем? Акмал-ака предложил убирать чали бороной. Работа ускорилась. Это тоже вредно? Акмал-ака читает нам газеты. Это тоже вредно? Сам он вредный, наш бухгалтер, и еще его четырехглазый...

— Эй, ты, выбирай выражения,— закричал Иззатулла, краснея.— За эти слова ты ответишь!

— Я за свои слова отвечу, я их говорю продуманно. А вы за свои измышления будете отвечать? Вред приносит тот, кто ставит палки в колеса, мешает коллективному труду, тот, кто вот этим ребятам, работающим по колено в воде, привозил снятое начисто молоко, а сливки продавал на базаре. Это ваш сын-мошенник! А ну, скажите, товарищи, как надо назвать того, кто, подкравшись сзади, бьет кирпичом человека, в данном случае нашего бригадира?

— Это еще не известно, кто ударил, может, ты?— сощурился Иззатулла.

— Ваш любимый сыночек...

— Ложь!

Но тут поднялся дядя Пулат.

— погоди, Акбар. Слушай, Хасан, а где твои очки?— спросил он спокойно.

— Дома мои очки,— ответил Хасан, глядя на свои руки.

— Ты бы сбежал, принес их,— попросил Ахмедов.

Хасан-очки нехотя встал. Все колхозники повернулись в его сторону. Ахмедов опять попросил:

— Иди же, принеси...

Опустив голову, Хасан-очки уже дошел до порога, когда дядя Пулат громко, чтобы слышали все, сказал:

— Ничего он не принесет. Вот его очки. Они валялись там, где он ударил кирпичом Акмала. Мы их нашли сегодня утром.

Хасан-очки побледнел еще больше и прислонился к стенке около двери. Колени его дрожали.

Вокруг стоял шум, но когда встал из-за стола Султан-бобо, колхозники друг на друга зашикали и стихли.

— Разрешите, друзья, и мне сказать несколько слов. Судя по письму нашего бухгалтера, и парторг, и председатель виновны в том, что пригрели израненного фронтовика. О том, за что он был судим и какое должно быть сейчас отношение к этому делу, скажет Закирджан-ака. Как говорит закон, так и будет. Речь сейчас идет о том, что в письме бухгалтера нет правды. Акмал-домля обрел авторитет своим трудом, добрыми словами, хотя и больной он человек. В этом его вина? А не в том, что ты, Иззатулла, оскорбляешь людей бесстыдными словами? Акмал-ака, сидя в гостях, думает о работе, предлагает ускорить очистку арыков. В этом его вина? Или в том, что ваш избалованный сынок, подкравшись сзади, ударил его? Вы обвиняете парторга в том, что он вытащил из холодной кибитки раненого фронтовика, куда, кстати, вы его сунули. Так? Где вы нашли такой закон? И чей он? Мы поручили вам ответственное дело — подсчитывать финансы, следить за правильным расходованием народных денег. А вы принялись за какие дела? Мне секретарь рассказывал, как вы послали фронтовику пять килограммов зерна, а требовали расписку за мешок. Говорят, если к

плохому человеку прилетит счастье, то он почувствует его только тогда, когда это счастье улетит. Вот из такого рода людей и вы. Товарищи, по-моему, уже ясно, что перед судом должен отвечать наш бухгалтер и его сын, а не Акмал-ака.

Председатель сел, вытер платком лицо и озабоченно посмотрел на прокурора. А Ахмедов молча оглядывал присутствующих. Выступать больше никто не хотел, видимо, Султан-бобо высказал все, что думали по этому поводу люди. Выждав еще немного, Ахмедов спросил:

— Может быть, вы, Иззатулла Суюнов, что-нибудь еще добавите к написанному?

Речь председателя, видимо, ударила Иззатуллу сильно, он с трудом поднялся, исподлобья глянул на президиум и целую минуту собирался с мыслями. Пожевав, он сказал не особенно внятно:

— Надо быть бдительными...

Все засмеялись. А кто-то съязвил:

— И хорошее принимать за плохое!..

Снова поднялся шум.

— Хватит, все понятно.

— Время дорого.

— Аксакал верно сказал: судить его самого!

Это единодушное осуждение, наконец, сломило Иззатуллу, он посмотрел в одну сторону, в другую и умоляюще проговорил:

— Простите, товарищи...

Но успокоить возмущенных колхозников теперь уже было трудно.

— А где ты был раньше?

— Высоко вознесся.

— Когда змея попадает в мешок, она, сказывают, называет человека «родной мой».

— Будьте же справедливы...— еще попросил Иззатулла и с мольбой посмотрел на Ахмедова.

— Сам несправедлив, а от других ждешь справедливости?!— сказал дядя Пулат.

Теперь поднялся из-за стола Ахмедов. Все с нетерпением ждали, что скажет он. Ведь кто может знать законы лучше прокурора? Поэтому колхозники сразу прекратили перешептывание, наострили уши.

— Товарищи, я уже говорил, что приехал к вам не в качестве прокурора, а как представитель райкома партии,— повторил Ахмедов.— И все же я скажу, что работники райкома хорошо сделали, что послали к вам именно меня. Перед отъездом я намеренно просмотрел судебное дело Акмала Даниярова. Скажу вам прямо: Данияров пострадал из-за клеветы, а следователь в этом не разобрался, судья же оказался не совсем компетентным человеком и с малым опытом. Вы удивлены — ведь такое говорит сам прокурор? Но я уверен: каждый человек должен говорить правду, какую бы должность он ни занимал. А тем более должны искать истину мы, юристы. Теперь о другом. Представьте себе на минуту, что по этому письму снова бы посадили Даниярова в тюрьму... Кому от этого была бы польза? Колхозу, конечно, был бы только вред — он лишился бы необходимого работника. А Суюнову? Ему бы польза была, и вот в чем дело. Известно ли вам, что в тот раз среди тех, кто оклеветал и посадил в тюрьму товарища Даниярова, был и Иззатулла Суюнов — бухгалтер той школы, где директором был Данияров?!

Мы так и ахнули. Гул возмущения прокатился по помещению, люди с негодованием оглядывали бухгалтера и его сына, открыто ругали его. Теперь было ясно, почему Иззатулла ненавидел Акмала. Мы, ребята, даже

повскакивали с мест, нам очень хотелось просто надавать по морде этим подлецам. Но Ахмедов поднял руку, прося тишины, и все притихли.

— Разрешите мне, товарищи, закончить. То, что Хасан творил, известно всем, и вы сами должны решить, как его наказать. Я надеюсь, что сегодняшнее собрание отбило у Иззатуллы Суюнова охоту клеветать. Презрение односельчан должно ему послужить жестоким уроком. Больше мы вас, товарищи, не задерживаем, пора горячая, надо работать. Члены правления пусть останутся еще на несколько минут, надо решить неотложные хозяйственные дела.

Мы вышли из правления, когда солнце только выглянуло из-за горизонта, а мне показалось, что мы сидели на собрании несколько дней...

В этот день мы работали с особым усердием. Словно какая-то тяжесть свалилась с сердца, все прояснилось, встало на свое место. Акмал выглядел счастливым, часто улыбался.

Следующая новость до нас донеслась часа через полтора. На заседании правления Иззатулла Суюнов был отстранен от должности бухгалтера и дело о клевете решено передать в суд.

В середине дня мы по обыкновению сидели на берегу арыка, пили молоко и смеялись, слушая беседу Акбара с Таташем. Акбар говорил, есть планета, где все девушки такие же красивые, как жена Джумабека. Таташ умильно покачивал головой, но на планету лететь не соглашался.

Мы увидели Эшмата-ака, ехавшего на арбе из города, когда он уже был от нас метрах в пятидесяти. Вместе с Эшматом с арбы соскочил худенький мальчик, одетый по-городскому, с узелком в руке. Они направи-

лись в нашу сторону. И тут поднялся Акмал. В глазах его были слезы, а лицо сияло.

— Фархад, сын мой!.. Родной!— закричал он, спеша навстречу мальчику.

ЭПИЛОГ

С тех пор двадцать раз поспели дыни. Много событий произошло за это время, все не расскажешь, но кое-что сообщить надо. Вскоре к Даниярову приехала дочь — Машхура, и осенью все жители Каркарали провожали его с сыном и дочерью в город на прежнюю работу. А через три года он вызвал меня и Агзама в Ташкент и помог найти свое призвание.

Потом я женился на Машхуре, и мой сын Эркин внук Акмала Даниярова, моего тестя. Сам он давно защитил диссертацию на звание кандидата филологических наук. Работает научным сотрудником в Академии наук, написал несколько научных книг, принимает участие в создании учебников. Когда мой старенький дядя Пулат по привычке говорит: «Скажите своим академикам!..», он имеет ввиду прежде всего моего тестя.

Джумабек отца своего похоронил уже давно и сам продолжает его дело — пасет скот. Ему нравится ухаживать за животными. Иззатулла умер через год после того памятного собрания, видно, замучила все-таки бухгалтеря совесть. Я часто думаю, с какой целью он делал людям гадости, и до сих пор не могу понять. Наверное, он и сам не знал. А сынок его, Хасан-очки после наказания присмирел, работает в кишлаке; встречаясь со мной, он отводит глаза до сих пор.

Жив и Таташ, он отрастил усы. Стал бригадиром Акбар, за хорошие урожаи хлопка награжден орденом,

он такой же шутник и балгур — на язык ему лучше не попадаться...

Каждый раз, когда я навещаю тестя, на столе его я вижу тот дневник, что писали мы когда-то вместе. Иногда я перечитываю отдельные страницы, и мне кажется, что я перелистываю страницы жизни.